

A watercolor illustration of a young woman with dark hair styled in a bun, sitting in the driver's seat of a car. She has a thoughtful expression, resting her chin on her hand. She is wearing a dark top, a necklace of dark beads, and a large yellow earring. The car's interior, including the steering wheel and dashboard, is visible. The background is a textured watercolor wash of green and yellow.

Сама себе фея

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анастасия ЛАВ

18+

Анастасия ЛАВ

Сама себе фея

<https://litres.ru/73363798>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сама себе фея» — это пронзительный сборник автобиографических эссе, где 52 рассказа сплетаются в историю одной женщины — Манюни, Маши, Марии, Маруси, Марии Александровны. Каждое новое имя — это новая грань ее взросления, поиска себя и преодоления трагедий: от брошенной девочки из 90-х до матери пятерых детей, окруженной любовью. Читатель вместе с героиней, путешествуя от Узбекистана двухтысячных до современной России, переживает потери и обретения, потопаы и пожары, размышляя о том, как сохранить свет в душе, быть щедрой, не имея ничего, и управлять судьбой, начиная практически с нуля. Книга, адресованная женщинам от 20 до 60 лет, — это вдохновляющий рассказ о стойкости, преобразующей силе семьи и творчества, и вере в собственные силы, о том, как стать феей для самой себя.

Содержание

От Манюни до Марии Александровны.	5
Истории из детства, или Дай покататься.	12
Храм (1985-2019 годы)	18
Марусе тридцать. (2010 год)	22
Марусе тридцать (2010 год)	25
Маруся и туман (2010 - 2011 годы)	27
Всесезонка, трасса и Мария (2010 год, начало зимы)	29
Боль (2011 год)	32
Маруся и шашечки (2011 год)	42
Маруся и интуиция (2011 год)	46
Необычные пассажиры Маруси (2011 год)	50
Потоп (2013 год, весна)	53
Талисман (2012 - 2014 годы)	79
Только маме не говорите (2014 год, сентябрь)	90
Самый счастливый день	94
Страшный день	98
Истории декабря (2014 год)	100
Чудеса традиционные (2014 год, декабрь)	106
Операция (2018 год, сентябрь)	109
Дед Мороз и Маша (2018 год, декабрь)	123
Если бы в тот же миг (2019 год, сентябрь)	127
Маруся и вода (2020 год, лето)	132

Утренняя встреча (2021 год, весна)	135
Когда невыносимо тяжело (2021 год, весна)	136
Внутреннее солнце (2021 год)	138

Анастасия ЛАВ

Сама себе фея

От Манюни до Марии Александровны.

Мария Александровна ехала за рулём своей большой машины и жмурилась, как довольная кошка на солнце. Хотелось мурлыкать. «Невзирая на всё, что происходит, мне очень хорошо, — мысли текли плавно и ласково. — Даже нежно, я бы сказала», — улыбнулась женщина.

Машина была — УАЗ Патриот цвета хаки, да ещё и с номерами ВВС. От неё шарахались и услужливо пропускали гражданские. Военная автоинспекция пыталась остановить, но происходила несостыковочка с белыми номерами, которые были на машине. Иногда её принимали за не очень нормальную жену какого-то генерала, но Марии Александровне нравилось превосходство на дороге.. Хрупкая блондинка за рулём огромного автомобиля, который часто ломался, но, если смотреть со стороны, это было неочевидно. Она умело прикидывалась дурочкой и выруливала, как могла только женщина с большим опытом вождения.

Внутри каждого человека живут несколько субличностей.

Причем чем человек талантливее, тем их больше. Они проявляются иной раз самым необычным способом, и удержать их в относительном порядке могут только самые сильные и взрослые духом. Могла ли о себе так сказать Мария Александровна? Если честно, не всегда. Между Манюней, Машей, Марусей, и, собственно, Марией — Марией Александровной — то и дело возникали конфликты, отчего их жизнь была такой захватывающей, что хоть роман пиши. Или триллер.

Манюня

Манюня — девочка-подросток. Худенькая, с россыпью веснушек на слегка курносом носу, с длинной русой косой, которую нельзя было подрезать, и к семнадцати годам она доросла до колен. Пацанка — но закомплексованная, отважная — но не умеющая перечить бабушке и дедушке, которые заменили ей родителей. Быстрая, сообразительная, умная не по возрасту, добрая и ласковая, бесхитростная и жизнерадостная. Глаза-хамелеоны меняют цвет в зависимости от настроения — от злого голубого, до радостного зелёного через сто оттенков серого.

Манюня читала с четырёх лет запоями и эту страстную любовь к книгам пронесла через всю жизнь. В тринадцать лет похоронила дедушку и осталась наедине с бабушкой и внезапно свалившимися взрослыми заботами.

В школе Манюня считала себя гадким утёнком и старалась не выпячиваться, следуя заботливым наставлениям бабушки, не верила в Деда Мороза, так как в семье никто ни-

когда о нём не упоминал. В мультиках девочка видела этого сказочного героя, но не задумывалась о нём никогда, как о волшебнике, который может появиться в жизни.

Когда Манюне было лет шесть, они с дедушкой пошли на площадь 31 декабря. Девочка уже в то время участвовала во всяких постановках во Дворце Культуры Сахарников и знала всех артистов в лицо. Снегурочку узнала сразу. Дед Мороз подъехал к самой сцене на санях, запряжённых тремя белыми резвыми конями. На упряжи, на дуге, весело заливались колокольчики. Из саней встал просто огромный, как тогда показалось девочке, Дед Мороз! Серебряный посох с звездой вверху служил опорой могучему великану. Тёмно-синяя шуба, расшитая серебряными звёздами, развевалась на ветру, как и длинная белая борода. Шапка такого же цвета с тем же орнаментом, что и шуба, была надвинута по самые белые пушистые брови, из-под которых весело, по-доброму, внимательно смотрели голубые глаза. Когда посох коснулся земли, закружился ветер, щедро раскидывая снежинки от внезапно налетевшей метели. Такого артиста Манюнечка не знала. Через несколько лет дедушка открыл секрет: то был директор Сахарного завода. Этот образ Деда Мороза остался в её сердце на всю жизнь.

Лет в десять появилась мечта о большой-большой дружной, любящей друг друга семье, где много детей и есть настоящие родители, которые очень любят своих детей, а не только бабушка.

Маруся, Машенька

От семнадцати и плюс-минус до тридцати пяти Манюню стали звать Марусей, потом Машей, хотя внешне она мало изменилась: всё та же тоненькая девушка, но уже с детьми. Те же глаза, но теперь взгляд менялся от доверчивого до злого, от усталого и беспомощного до стального мужского.

До тридцати пяти лет Маруся успела родить трёх сыновей и дочку, пережить самоубийство брата мужа и алкоголизм мужа и понять, что значит настоящее смирение.

Она умела любить безусловно, но не жертвенно. Верить безоговорочно, но проверять и помогать. Выручать бесконечно, но оставаться при этом нежной и женственной. Когда было надо, она неслась в жилете спасателя, надетом наизнанку, в любое время дня и ночи.

Взрослая Маруся — неунывающая, сама себя загоняющая раз за разом в адский костёр, но каждый раз возрождающаяся из пепла — отрастила себе железные доспехи быстро и добровольно. Эта кольчуга так выросла в кожу, что отдирать её колечко за колечком было мучительно.

Она никогда не жаловалась, делилась событиями и смеялась. Безбашенная, живущая «по сердцу» и ломающая привычные социуму шаблоны. «Надо начинать делать, а там посмотрим!», — эти слова были её образом жизни до тех пор.

Так длилось до тех пор, пока в Машеньке не начала просыпаться Мария Александровна. Которая, отодвинув в сторону вселенскую машину доброту, поинтересовалась у про-

чих девушек этого тела: «А насколько часто нами пользуются без всякой отдачи другие люди?».

Мария Александровна

Она родилась после 35-ти, когда начала понимать, что в её жизни что-то складывается не так. Что только на ней лежит ответственность за всё происходящее в семье. Она появилась постепенно — ищущая смыслы и находящая их. Вернувшись к родовым настройкам. Чувствующая себя и других. Мария Александровна обрела, наконец, себя истинную, в том женском начале, которое было создано природой специально для неё.

Мария Александровна родила младшего сына — пятого ребёнка, который был зачат в надежде на вторую дочку, но стал самым дорогим её подарком себе.

Мария Александровна вернула в себя истинную женщину, но умела при этом вовремя позвать безбашенную Марусю.

Александровна на первом месте в жизненной кардиограмме. Наша жизнь — это кардиограмма: вверх-вниз и постоянная пульсация. Там, где ровно — плато, остановка. Остановка сердца, ритма, жизни, а затем адреналин в вену, разряд! Нет эффекта. Ещё разряд! Запустили. Врачи выдыхают — ещё одна жизнь спасена.

Как распорядится своей жизнью человек, за пульс которого боролась целая бригада врачей?

Жизнь Манюни/Маруси/Марии Александровны складывалась как кардиограмма больного человека — с частыми

остановками. Иногда они длились долго, иногда — считанные секунды, но Ангелы-Хранители в это время волновались, как врачи реанимации, и она это слышала.

Хранители её души — даже они не ведали, как она поступит в той или иной ситуации. Они просто всегда были рядом. Иногда давали адреналин и разряд, чтобы очнулась, задумалась, поняла, что жизнь — не сказка. Что по щучьему велению получается не всегда. Тогда они увеличивали разряд, чтобы начать всё сначала.

Со временем Мария начала понимать, что она — это не только кожа и кости, что не только хлебом единым, что есть более важные вещи не только внутри жизни, но и вне её. Она поверила в единого Творца, объединяющего религии в Ойкумены, но верила, что душа её пришла в эту жизнь не просто так и «что посеешь, то и пожнёшь», причём очень быстро.

Вернёмся в начало

Мария Александровна была довольна. Она наконец-то научилась отслеживать свои желания и чувства. Три её личности составляли сейчас гармоничный ансамбль и умело сменяли друг друга в нужное время. Мария Александровна была сосредоточена на себе. Это было что-то новое для неё — никого не спасать, никому не поддаваться, не передоговариваться и не врать себе.

Есть поговорка: «Дурачку и самому не скучно». Кто её придумал? Неудачник, невротик, травмированный, духовный пустышка, которому страшно? У психиатров это называется аутофобия, но если судить по нашим родным сказкам, то дурачок всегда в выигрыше.

Чтобы достигнуть внутреннего дзена, Марии Александровне приходилось очень много работать с психологом, поэтому она знала, как это одновременно больно и прекрасно, когда из хаоса — по полочкам.

— Да, работы ещё много, моя милая, — сказала она, глядя в зеркало, в котором отражалась.

Мария ехала навстречу закату. Тёплый августовский вечер скоро перейдёт в ночь и последние лучи дневного света ласково согревали всё вокруг. Внутренний свет сливался со светом солнышка, и Мария Александровна физически чувствовала тепло и заботу Вселенной, которой она доверяла безусловно. Из колонок звучала любимая сорок пятая симфония Гайдна, первая часть.

Истории из детства, или Дай покататься.

— Юр, а Юр, ну дай, пожалуйста, велик покататься, — Манюня теребила пальчиками подол белого платья в синий горох. Две косички подпрыгивали и ложились на плечи то спереди, то сзади, пружиня на синих нешироких капроновых бантах. Девочке так хотелось покататься на велосипеде, так хотелось, что хотелось плакать от этого «хотелось». У всех мальчиков были велики! И Юры и, у Саши, и у Серёжи, а у неё не было. Манечка дружила с мальчишками. На улице не было ни одной девочки. С мальчуганами лазили в сахарный завод и ели сырец (это такой сахар до очистки с небольшим привкусом свеклы и медовым окрасом, но тако-о-ой сладкий!) потом на крыльце у Юрки. Сахара из вылазки на завод получилось достать немного, и Сашка рассказывал страшные истории, что может случиться, если есть его прямо вот так просто и без ничего. Оказывается, можно было даже умереть! Пока Манюня сидела, открыв рот, и смотрела в воображении картины своей смерти, Сашка с Юркой уплетали смертоносный продукт и хихикали с малой дурынды.

Саша, Юра и Серёжа были старше Мани года на два года, но девочке казалось, что они — ну о-о-очень взрослые. Се-

рёжа участвовал не во всех приключениях — он приезжал к ним на улицу к дедушке. Был более осторожным, чем все остальные.

После истории воровства сырца из сахзавода Манюня вернулась с содраной коленкой (упала, когда с дерева слезала) и только с одним бантиком. Пришлось слушать невероятно длинную лекцию от бабушки и, что ещё хуже, ловить на себе укоризненные взгляды дедушки.

— Дедушка твой за всё время работы главным инженером-электриком на сахарном заводе ни одного кусочка рафинада не принёс домой, а ты залезла, украла, — взгляд бабушки поверх очков невозможно передать словами.

Маня сидела, аки ангел, сложив ручки на коленках, подол платья был в зелёной траве и пыли. «Совсем теперь платья не будет, — подумала она, насупившись, — Когда ж уже конец-то всей этой длинной речи?».

Девочке было пять-шесть лет, читала она с четырёх, сообщала очень быстро и очень по-детски.

— Бабушка, а можно я пойду почитаю? — наклонив русую головку, Манюня робко выглядывала исподлобья.

— Вот как с ней разговаривать, Павел Иванович? — бабушка поправила очки, оборачиваясь к мужу. Гнев уже сошёл, но для порядка она могла продолжить лекцию и ещё

пару часов.

— Ася, та она ещё мала, пусть бежит. Она так больше не будет. Манюнь, не будешь же?

— Не, дедушка, не буду! — девочка подбежала, крепко поцеловала и обняла маленькими ручками дедушку и бабушку. Прошептала ей на ухо очень быстро, чтобы никто никогда не услышал: — Прости, я больше так не буду, — и ускочила вприпрыжку в свою комнату.

Просить прощения Манюня не умела. Могла часами стоять в углу, но выдавить из себя «прости меня» — не могла. Горло перетягивалось чем-то тугим, рот открывался беззвучно и закрывался. Маня хотела сказать, а не получалось. Бабушку это злило. Однажды Манечка стояла в углу невероятно долго, но так и не извинилась вслух, написала на бумажке корявыми печатными и убежала. На эту тему, да и на все, которые так или иначе были похожи между собой, была очередная лекция.

Манюня безумно любила читать. Поэтому, отпрашиваясь почитать, она нисколько не обманывала. Плюхалась в пуховую перину со всего разбегу и уходила в интересный книжный мир. Так заканчивалось любое наказание. Но что будет в конце этой истории с великом Юры, девочка даже представить не могла.

— Неси рубль, и дам покататься, — кареглазый тёмново-

лосый Юрка улыбнулся.

— Точно дашь? — уточнила Манюня.

— Дам-дам, не переживай.

— Сейчас, подожди здесь.

Девочка побежала через дорогу домой, зашла в спальню к бабушке с дедушкой, открыла лакированный немецкий секретер ключом, который всегда торчал в замке, и достала бабушкин кошелёк. Надо было как-то так взять рубль, чтобы бабушка не заметила. Манюня обвела рубль карандашом на листике в клеточку, написала «1 рубль», старательно вырисовывая корявые буквы, вырезала и положила в кошелёк.

— Держи! — Маня бегом сбежала по ступенькам за двор, к соседям напротив, где сидел на велике Юра. Она представляла, как сейчас будет крутить педали и кататься...

— Дура, что ли?

— Ты что? Не дашь?

— Нет!

— Ну, ты же обещал, Юр! — слёзы подступали, губы начинали дрожать и не слушаться девочку, но плакать же нельзя.

— Три рубля вынесешь, тогда дам.

Маня так разозлилась, что разорвала злосчастный рубль на мелкие куски, развернулась и побежала обратно. Снова обводила, вырезала, писала, высунув язык от старания.

— Теперь дашь? — Манюня насупилась.

— Не. Пять рублей вынесешь, и дам.

Девочка снова разорвала деньги на мелкие кусочки.

И пять рублей постигла та же участь. Юрка не дал показаться.

А даже если бы и дал, Манюня не умела ездить на велосипеде и не смогла бы, как она представляла, пролететь по улице. Юра напоследок обозвал её дурочкой с переулочка и ненормальной, сказал, что ей теперь конец будет от бабушки за разорванные деньги, и уехал.

Манечка так и не смогла понять, зачем она тогда рвала деньги. Что ею двигало. Помнилась какая-то невероятная злость вперемешку с беспомощностью. Но зачем, почему, она и в сорок два не смогла бы ответить. Тогда на вопрос, зачем порвала деньги, Манюня честно отвечала, что очень сильно обидно было, и она разозлилась. Влетело и Юре. Бабушка позвонила тёте Гале, маме Юрки, и всё рассказала. Так как мальчик был старше, по непостижимой для детского разума логике взрослых он должен был остановить неразумную девчонку.

Манюня ходила с бабушкой в банк, где были вторые двери из очень толстой решётки и стоял милиционер на крыльце. По собранным кусочкам восстановили номер купюр, и бабушке вернули деньги, но даже это не спасло малышку.

Бабушка поставила Маню на колени возле этажерки в её комнате, била и очень больно таскала за длинные волосы, что-то приговаривая. Манюня плакала до истерики взахлёб и абсолютно искренне не понимала — за что?! С тех са-

мых пор у девочки в голове укоренилась ассоциация, что длинные волосы специально созданы для наказания. Больше никогда Маню так не наказывали, но установочка осталась. Свои длинные волосы она ненавидела всю жизнь, и первым делом, когда уехала учиться в Воронеж, отрезала косу, что была длиной до колена, испытав при этом неопиcуемый восторг. Юная девушка ходила вприпрыжку дня три, испытывая удивительную лёгкость и даже невесомость.

С Юрой девочка не разговаривала, наверное, с неделю, но Манюня с самого детства не была злопамятной и обидчивой, поэтому вскоре снова бегала со своими друзьями.

Храм (1985-2019 годы)

За ручку бабушка ввела маленькую Манюню в церковь. Девочка восторженно смотрела на красивые высокие окна, позолоту, девственно чистые стены, на которых висели старые огромные иконы, тихий шёпот большого количества людей и алтарь. Она чувствовала, что он тёплый. Из дерева, но тёплый своей душой. И удивительно красивый иконостас, родной своими ликами.

Свечи трещали. В церкви было тепло. Рядом стояли соседки по улице, бабушка Вера пела на клиросе, её бабушка тихонько подпевала певчим и Манечка тоже попробовала. Посмотрела на бабушку, мол, можно? Та ласково улыбнулась в ответ.

С тех пор и до тринадцати с половиной лет Манюня очень любила ходить в церковь. Там ей всегда было отраднo, уютно и как дома. За это время она научилась петь на клиросе, влюбилась в церковные обряды на Троицу, но больше всего радости ей приносила Пасха.

Суета царила накануне этого дня дома: приезжала мама, они с бабушкой убрали, местили, пекли, мыли — делали всё сразу. Ночью собирали сумку и шли освящать куличи. Радостная служба, в конце которой улыбающийся батюшка обязательно святой водой брызгает от души не только куличи и яйца, но и людей, а те радостно крестятся и отовсюду

слышится: «Христос Воскресе! «Воистину Воскресе!».

Возвращались на рассвете. Шли через слигу — деревянный мостик через речку. День только начинал зарождаться. Тишина и гармония природы окутывали и проникали в каждую клеточку. Отстоять всюнощную было непросто, и дома быстро ложились спать, так как через несколько часов надо было идти на кладбище...

В ту ночь, когда умер дедушка, Манюня стояла на коленях перед иконами дома. В слезах она умоляла Господа и святого Николая Угодника спасти её дедушку, вернуть всё назад, чтобы были бабушка, дедушка и она. Она падала лицом в пол и плакала. Плакала и умоляла. Долго. Потом ушла в зал на диван и уснула с включённым бра на стене. Бабушка и мама были в больнице у дедушки. К утру раздался звонок: мама сказала, чтобы она шла к тётё Лиде. Тётя Лида — это была родственница и соседка. Девочка поняла, что случилось горе. Но ещё с того возраста она верила только своим глазам.

Подняв глаза над гробом, Маня смотрела на икону со злобной ненавистью. Она обиделась на Бога. Боль разрывала её изнутри и деформировала реальность. Было унижительно вспоминать, как она самозабвенно умоляла того, которому безоговорочно доверяла и верила безусловно. Маленькая девочка, без опоры внутри и достаточной поддержки в реальности, вычеркнула Господа из сердца навсегда. Так она тогда решила...

Марусе было около двадцати лет, когда она шла в Москве

от метро «Китай-город». Внутри собрались тысячи галактик пустоты. Они разгоняли в душе девушки молчаливую серую пыль. На пути был храм. По расположению и низенькому входу было понятно, что он древний. Маруся зашла, по привычке перекрестилась, прошла в центр, поцеловала иконы и встала, как вкопанная. На негнущихся ногах кое-как доковыляла до лавочки и села. Она вдруг поняла, что в церковь вошла впервые за семь с лишним лет по велению сердца, сама. Замелькала перед глазами киноплёнка кадров прошлого. Стало трудно дышать и глотать. Ком рос из горла, пока не вылился из глаз. Девушка сидела и рыдала. Долго. Очень долго. Пока не выплакала всё до последней капли из себя.

В свои сорок три года Мария Александровна уже не верила в религию. Она верила в Бога, который есть любовь и, который в любви не может карать. Она верила в Бога, который оставляет право за каждым человеком проявлять свободу воли. Не верила в ад и грех — сказку о расплате «потом». Знала, что всё происходит здесь и сейчас.

— Не знаю про ад или рай, — дедушка крепко прижимал к себе Манюню и гладил по волосам рукой в кромешной тьме. Отключили свет, а через дорогу умер сосед и девочке было очень страшно. — Всё здесь, на Земле, сразу. Каждый сам создаёт себе и страшное, и доброе. Я знаю, что здесь есть жизнь, её нужно жить честно и по сердцу, а мёртвому уже всё равно.

Дедушка был мудр сердцем. Без подробностей тогда он

передал любимой внучке самую главную истину жизни.

Марусе тридцать. (2010 год)

Юрий Хой (группа «Сектор Газа») пел:

«В этот День родили меня на свет,

В этот День с иголки я одет.

В этот День и выпить не во вред:

Мне сегодня тридцать лет»...

Маруся только вышла из ванной. На голове — тюрбан из полотенца. За окном — ласковые утренние лучи июльско-го солнца. На столе — фрукты, шоколад, хороший коньяк. Машенька творила на лице масочку, потягивала коньячок. «Одноклассники» булькали оповещением за оповещением. Столько сообщений с поздравлениями женщина не получала ни разу в жизни. Она чувствовала себя настолько нужной, важной, востребованной, и не для чего либо, а просто так — её благодарилипросто за то что она столько лет живёт на свете!

Вспомнилась юность, постоянное восхищение и комплименты... Круто. Очень круто. Как важно для женщины понимать, что она важна в этом Мире, как красиво расцветает в такие моменты улыбка и глаза светятся счастьем!

Маруся вспомнила, что случилось месяц назад. Звонок от Саши:

— Машунь, надо, чтобы ты подъехала к Электронике.

И ничего не сказал больше. Такое было впервые. Никогда

у них не было секретов друг от друга. Они знали друг о друге абсолютно всё, и самое плохое, и хорошее. Это был их самый главный закон в жизни.

Женщина выпрыгнула из маршрутки прямо к Саше в объятия. Поцеловались, и он повёл её к машине, серебристой «одиннадцатой» Ладе, что стояла рядом с остановкой.

— Знакомься, это Паша. Как тебе машина?

Маруся, конечно, немного, да что там говорить, очень сильно удивилась. Онемела. Растерялась. Почувствовала в животе сумасшедший танец обезумевших от счастья бабочек. Оглянулась по сторонам. Вроде не спит...

— Ну, ты проедься, как она тебе?

Маша как раз училась на права. На всякий случай, пока деньги были.

Села с важным видом, проехала вперёд, развернулась назад. По сравнению с «пятёркой», на которой она училась, здесь руль крутился сам. Она выпорхнула из-за руля, посмотрела на Сашу абсолютно счастливыми и влюблёнными глазами — как всегда. Крепко обняла.

— Берём?

— Да, я ж не знаю, так очень хорошая, а в остальном?

Через полтора часа машина стояла у подъезда. Саша уехал на работу, а Маша сидела в ванной, лила себе в лицо ледяным душем, и слёзы стекали вместе со струями воды, растворяясь в пене, которой она себе набухала от души. Мысли неслись во все стороны, бились, наскакивали друг на друга...

В ушах звучало: «Это тебе на тридцатилетие подарок».

Маруся полюбила Сашу в первую же секунду знакомства. Или она его любила и будет любить всегда. Просто они в очередной раз встретились в Вечности.

Тридцатилетие запомнились ещё и необыкновенной встречей с друзьями и родственниками в ресторане, купанием в водохранилище, сумасшедшими танцами и душевными разговорами. Это был один из самых счастливых дней в её жизни. Маруся считала каждый день по-особенному счастливым, но всё же находились среди них такие, которые выделялись очень ярко, доставая лучами до самых небес.

Марусе тридцать (2010 год)

Подробно познакомилась с красотой этого загадочного явления Маруся за рулём. Когда впервые в свете фар появилась змеящаяся густая кисея прозрачно-белого цвета, Маша аж присвистнула:

— Саша, Саша, посмотри! Глянь, какая красота! Сашуль...

Она была в полном восторге!

— Ты что, тумана раньше не видела?

— Не-а! Так близко — впервые... Видела только со своей горы, как по лужку стелился.

Женщина включила правый поворотник и припарковалась на обочине, встав на аварийку. Вышла на дорогу.

— Сашуль, это одновременно и сказочно красиво, и жутко... Будто где-то рядом баба Яга живёт, да?

Саша стоял курил и, молча улыбаясь, смотрел на жену. Они вместе уже девять лет, но та умела удивлять и удивляться самым естественным образом самым простым вещам. Радовалась, как ребёнок, поднимала глаза и искала взгляд мужа. В такие минуты у Саши дыхание перехватывало от нежности к своей любимой.

— Душа моя, поедем? — Саша подошёл к жене, которая, пританцовывая, руками «резала» туман, пытаясь захватить его в ладони.

— Да, солнышко, конечно, поехали.

Они стояли посреди трассы, обнявшись, окутанные вуалью тумана в безмятежной тишине непроглядной ночи. Два сердца стучали в такт, отбивая бессмертный ритм любви друг к другу, любви к ним всего Мира. Эти двое жили по любви и велению сердец, никогда не повышая друг на друга голос, часто удивляя чем-то самым обыденным, а там, где, казалось, они уже знали друг о друге всё, всплывало что-то новое и приятное.

Ни одной машины. Тишина. Только проглядывали тёмные деревья из осенней лесополосы и бесконечно змеился густой, сказочный туман.

Маруся и туман (2010 - 2011 годы)

Подробно познакомилась с красотой этого загадочного явления Маруся за рулём. Когда впервые в свете фар появилась змеящаяся густая кисея прозрачно-белого цвета, Маша аж присвистнула:

— Саша, Саша, посмотри! Глянь, какая красота! Сашуль...

Она была в полном восторге!

— Ты что, тумана раньше не видела?

— Не-а! Так близко — впервые... Видела только со своей горы, как по лужку стелился.

Женщина включила правый поворотник и припарковалась на обочине, встав на аварийку. Вышла на дорогу.

— Сашуль, это одновременно и сказочно красиво, и жутко... Будто где-то рядом баба Яга живёт, да?

Саша стоял курил и, молча улыбаясь, смотрел на жену. Они вместе уже девять лет, но та умела удивлять и удивляться самым естественным образом самым простым вещам. Радовалась, как ребёнок, поднимала глаза и искала взгляд мужа. В такие минуты у Саши дыхание перехватывало от нежности к своей любимой.

— Душа моя, поедем? — Саша подошёл к жене, которая, пританцовывая, руками «резала» туман, пытаясь захватить его в ладони.

— Да, солнышко, конечно, поехали.

Они стояли посреди трассы, обнявшись, окутанные вуалью тумана в безмятежной тишине непроглядной ночи. Два сердца стучали в такт, отбивая бессмертный ритм любви друг к другу, любви к ним всего Мира. Эти двое жили по любви и велению сердец, никогда не повышая друг на друга голос, часто удивляя чем-то самым обыденным, а там, где, казалось, они уже знали друг о друге всё, всплывало что-то новое и приятное.

Ни одной машины. Тишина. Только проглядывали тёмные деревья из осенней лесополосы и бесконечно змеился густой, сказочный туман.

Всесезонка, трасса и Мария (2010 год, начало зимы)

Маша еле ползла по трассе — было очень скользко. Не спасала даже шипованная резина, и порой приходилось ползти со скоростью двадцать километров в час. Дороги не было — сплошной лёд. Она ехала из Белгорода, где в командировке работал муж Саша. Уже было десять вечера, она ехала пять часов, но не проехала даже половины пути. Маша ехала к бабушке в Ольховатку, где сейчас жила её семья, а Саша под Белгородом строил крупную птицефабрику. Маша отвозила и привозила мужа, так как за рулём ездила только она.

По дороге туда была жуткая метель, за внегом ничего не было видно. Маша любила любую погоду: радовалась метели, дождю, особенно — когда была за рулём. Для неё это было романтично, для неё это было необычно, она чувствовала комфорт и уют, так как чувствовала себя защищённой, пока снаружи бушевала непогода. Но сейчас она очень сильно устала.

Мама несколько раз звонила и спрашивала, когда она придет домой, но женщина не знала, потому что невозможно было ехать быстро. Водители знают, что нельзя говорить о том, когда ты приедешь, пока в дороге, но звонки продолжа-

лись, и Машу это уже подбешивало.

На очередном подъёме её обогнала красивая иномарка. А на следующем спуске женщина увидела, как эта иномарка торчит багажником из кювета. Маруся остановилась, потому что всегда останавливалась, всегда предлагала свою помощь — по-другому она не могла. Припарковалась, спустилась по сугробам с обочины.

— Да вот, улетели, — молодой, красивый. Армянин, наверное.

— Да, я видела, как вы пролетели мимо меня. Какая у вас резина? — в темноте было плохо видно, но Марии показалось, что летняя.

— Всесезонка. У нас прекрасная резина, новая, только купили.

Маша подумала, что «оно и видно, какая она новая и прекрасная». Достала толстую верёвку, которая лежала у неё в багажнике вместо троса, привязала к фаркопу, дёрнула. Слегка помятая красная иномарка стала на дорогу.

Машин на трассе не было вообще. Все, наверное, пережидали погодный апокалипсис дома или остановились где-то, как это делают разумные водители. Но разумным водителем Маруся станет ещё нескоро.

Обменялись телефонами, верёвку ребятам оставила — с их супер-резиной им нужнее... Поехала дальше. Через пару недель они ехали мимо Ольховатку и завезли верёвку. Потом нашли друг друга в Одноклассниках и очень долго пере-

писывались. Маша не помнила имя того молодого человека, но из публикаций в соцсети знала, что у него родились две дочурки. Много лет потом они слали друг другу подарки на Новый год.

У Марии много было таких приключений на трассе. Был период, когда она за месяц наматывала по три-четыре тысячи километров за рулём, а то и больше, притягивая к себе множество трудностей или помогая в непростых ситуациях другим водителям. Высшие силы были всегда рядом серьезных аварий с Машей не случалось.

Боль (2011 год)

Манюня выросла с бабушкой и дедушкой. Дедушка умер, когда девочке было тринадцать. Бабушка умерла, когда Марусе был почти тридцать один. В жизни Марии было два периода, на которые она оглядывалась и вздрагивала. Пожара среди них не было. Пожар они проживали с Сашей вдвоём. Делили боль и страх, которые ледяной липкой и вязкой субстанцией окутывали их первые два месяца. Кто-то брал на себя больше, кто-то меньше — так, опираясь только друг на друга, поскольку внутренняя опора тогда была утеряна, они прожили вместе эти тяжёлые дни.

Но те первые два периода Маша проходила сама.

Первый — бабушкин уход. Бабушка уснула вечером, а ночью ушла. Маруся садилась у кровати, пока бабушка была жива, брала тёплую родную ладонь и клала себе на голову. Или гладила сама себя рукой бабушки. Разговаривала. Обо всём. Потом целовала красивые длинные пальцы и клала на место, как ей казалось комфортным. Она знала, что больше бабушка не откроет глаза и не придёт в себя. Так она дарила себе последнюю ласку и нежность от самого родного человека много раз за тот день.

Маруся не плакала. Рядом были дядя Витя и мама. Дети у бабушки родились от разных мужей. И всё бы ничего, но не

сумела Анастасия Григорьевна научить их любить друг друга больше жизни, знать, что они — одна кровь, и что вместе они — великая сила.

Поздним вечером бабушка вдруг начала глубоко и часто дышать. Дети сели рядом и взяли её за руки — Мария попросила их об этом. Бабушка глубоко вздохнула и затихла. Всё. Маша почувствовала, как внутри открывается чёрная воронка и, увеличиваясь в размерах, поглощает способность чувствовать. Чёрная дыра в оболочке человека — так ощущала себя женщина.

Тогда Маша ещё не вспомнила всё, что знала, и было ей тяжело, как обычному человеку. Вдруг бабушка снова вздохнула. Надежда промелькнула так вскользь, будто оступилась и не туда заглянула. Ведь понимаешь, что так не бывает, но мозг, защищаясь от боли, немножко надеется. Ещё один вздох. Теперь точно: всё.

Пришёл Лёшка, участковый, спрашивал, писал, смотрел сочувственно. Марии необходимо было с кем-то поделиться. Показать свою страшную дыру и, хотя бы, услышать обыкновенные ничего не значащие звуки. Может, слова, которые просто вылетят изо рта и на секунды уменьшат размеры её ужаса.

Доверительных отношений у неё ни с бабушкой, ни с ма-

мой никогда не было. Многие говорят, что так было у всех, это нормально, и не стоит заострять на этом внимание. Но у тех, кто так говорит, вся жизнь — показатель того, как жить не надо. Маша никогда не спорит с ними. Это люди с поломанными настройками из детства. Сейчас, имея детей, из которых двое — совсем взрослые, Мария понимала, что это совсем не нормально. Это огромный отрезок её жизни, в котором закладывалось её будущее. Меж мамой и ребёнком должны быть очень, очень доверительные отношения. Беспредельное тепло и нежность. Вселенская забота и любовь. Лишённая этого в детстве, Маруся не обозлилась, не ожесточилась, а сама стала источником любви и нежности. Став мамой, она старалась ничего не упускать и любить своих детей, насколько возможно сильно, но без вреда для них. Она научилась возвращать любовь в каждом миллиметре семьи, в дыхании каждого. Маша любила сама и опыляла любовью всё вокруг.

Бабушку Манюня любила очень сильно. Бабушка была мудрая, добрая и строгая одновременно. Следила за новостями, лунным календарём, любила читать и записывать цитаты. Вкусно готовила, но след войны не давал беспредельно баловать родных. Не сидела в тылу, пробиралась фельдъегерем под пулями — чего только не пережила эта отважная, но при этом очень ранимая и незащищенная женщина за пять лет войны.

Чистота у неё была везде: в каждой комнате, на каждом сантиметре огорода, двора, летней кухни, в сарае, погребе, за двором — везде порядок. Анастасию Григорьевну знали и уважали в обществе. Должность главного бухгалтера централизованной бухгалтерии района накладывала и ответственность, и известность.

Слёзы лились у Маши, но без воплей. Своё горе одиночества она запихнула в чёрную дыру внутри себя, а та благодарно проглотила, хищно облизнувшись.

Ночь без сна. Вторая. Третьи сутки. Похороны. Гроб в землю, сверху землю — опа, как и не было никого. А ведь только позавчера бабушка ела борщ, что сварила внучка, и шутила, что наелась, как перед смертью. У Маруси теперь была чёткая граница её чёрной дыры. Чёрный платок женщина свернула шарфиком и повязала вокруг головы. Жара стояла невыносимая. «Лада», её любимый серебристый универсал, сломался, и как ехать домой, Маша не знала. На холостых машина глохла, кипела и что-то ещё невообразимое творилось с автоматикой. Казалось, что она сломалась вся и сразу. А сегодня вечером надо было лечь в больницу на плановую операцию с Антоном. Не ехать нельзя. Привычное состояние — постоянное преодоление на стадии выживания.

На поминки Мария не осталась. Если поест — уснёт, и

неизвестно, насколько. Мама насобираала продуктов, поцеловала, обняла и перекрестила в дорогу.

Дома ждал Саша, который отпросился из больницы, чтобы побыть с детьми. Ему сделали операцию на ноге: хронический остеомиелит — это когда сверху ударился, а внутри тихо и безболезненно гнивает кость. Врачи резали, чистили и матерились, отпуская домой. Мама звонила знакомому на скорой — приезжали, делали перевязку, пока Маша была далеко.

Не проехав и двадцати километров, Маруся поняла, что ехать очень тяжело, и вообще непонятно, как. За рулём она постоянно засыпала. Курила не переставая, чтобы не уснуть. Пыталась остановиться и поспать, но в закрытых глазах крутилось кино: гроб в землю, сверху земля — и эта карусель неслась перед глазами нескончаемо.

Сейчас Мария Александровна обязательно бы поела и поспала пару-тройку часов перед поездкой, но тогда она жила на разрыв жил, сама себе создавая невыносимые условия, в которых, находясь в состоянии жертвы, она преодолевала и побеждала.

Примерно через семьдесят километров от Ольховатки на обочине голосовали мужчина и женщина. Маша решила подобрать их. Она всегда останавливалась, но сейчас — не без

умысла. Женщина остановилась уже раз пять, поливала себя водой, приседала, бегала вокруг машины, но ничего не помогало — она постоянно засыпала.

Это были муж и жена. Им нужно было до Воронежа. «Повезло из разряда «так не бывает», — обрадовалась Маруся.

— Только одно условие: не давайте мне спать, прямо тормозите, пожалуйста, — попросила она, щурясь воспалёнными глазами. В них, казалось, кто-то насыпал песка с мелким стеклом. Больно смотреть, больно моргать и больно закрывать веки, но через несколько секунд темноты они успокаивались, и было очень хорошо.

— Не спи, — мужчина тормозил её за плечо. Он сел вперёд. Женщина выглядела немного испуганной, но её муж понял, что хрупкой зарёванной девчонке за рулём нужна помощь, и без них она не справится. Он подавал зажигалку, открывал минералку и будил постоянно отключающуюся за рулём Машу.

Когда доехали до Машмета, она никаких денег с пассажиров не взяла. Она в принципе не брала денег, когда подбирала людей на трассе, но кто знает — эти двое, скорее всего, вообще ей жизнь спасли.

Зашла домой. Дети кинулись обрадованно обнимать. Са-

ша тоже прискакал на одной ноге. Был немного подшофе. Маша села в ванну. Струи воды смешивались со слезами, стекали ручейками и смывали не только пыль, но и усталость. Частично она осознавала, что долго так не протянет. Чёрная дыра внутри удивилась. Неожиданно ей пришлось немного подвинуться, немного сжаться и уменьшиться. Внутри зашли разноцветные заботы о муже, детях. Позвонить бабушке, что доехала... Но бабушки больше нет. Дыра злорадно оскалилась.

Бабушки больше нет, дома родительского больше нет. Бабушка являлась олицетворением дома, ушла бабушка — исчез дом. Бездушные стены не имели значения для Маруси. Бабушка была душой и дыханием дома. После смерти право дышать им она не передала никому, поступив абсолютно не мудро. Нет бабушки — нет дома: Маша замкнула эту дверь и выкинула ключик навсегда. Теперь у неё не будет страданий, что ни случись с домом. Всё его тепло и все воспоминания остались в сердце без привязки к месту. Так удобно: когда надо, достаёшь нужный файл из памяти и перебираешь.

Маша так думала и о людях, которые ушли на небеса. Этих показательных уборок на кладбище и украшения могил раз в год перед Пасхой она не понимала. А что люди скажут? Она ездила на кладбище к бабушке и дедушке. Создала целую традицию на Вербное воскресенье — наполнила его своим смыслом. Она знала, что на кладбище лежит мёртвая

плоть, и не больше. Там никто никого не ждал. Души людей там не жили, хотя какая-то энергия присутствовала однозначно.

Маша положила душ на голову, сделала воду прохладнее. Когда умер дедушка, она ходила к нему ежедневно после похорон. Но однажды, в прекрасный и яркий солнечный день, открывая кладбищенскую калитку, она вдруг испытала приступ ужаса. Она слышала птиц, проезжающие машины за спиной, слышала, как матерятся работники автобазы рядом — всё так обычно, но совсем рядом присутствовала ледяная пелена невероятного страха. Почти физически она ощутила, как по телу под одеждой ползёт что-то липкое и жуткое. Манюня была не из пугливых. Сделала шаг, но почувствовала, что становится трудно дышать. Попятилась, вышла из калитки — и всё тут же стало хорошо.

Больше девочка не ходила каждый день на кладбище. Дедушка снился ей каждую ночь, каждый раз по-разному, но в конце обязательно — тепло объятий. Ещё тогда она поняла: чтобы общаться с умершими, не обязательно ходить на погост.

Теперь они, наверное, вместе. Бабушка и дедушка. Бабушка, дедушка и Саша. Саша — это был первый муж бабушки и, как теперь понимала Маруся, это была самая главная любовь в её жизни. Перебирая файлы с рассказами, фразы, которые обрели невзначай, но которые имели огромное зна-

чение своим смыслом, Маша понимала, как сильно любила бабушка первого мужа, и насколько просто сошлась с дедушкой. Потому что дедушка пришёл просить руки, а её мама сказала, что надо выходить замуж. Но при этом в сердце жила-была только одна сильная и искренняя любовь — к Саше. Саша погиб на операционном столе во время войны. Маруся знала — всё было так, как нужно, и благодаря безвольному и безропотному послушанию по умолчанию перед родителями в те времена, появилась и её мама и, собственно, она.

Но как это — жить всегда в сердце с одним, а хлеб, заботы и радости делить с другим? Может, потому и не проявляла бабушка эмоций и чувств? Страшно: одного любила, он ушёл. А как будет теперь, если буду любить? Страшно.

Маше стало холодно. Она сделала воду горячее, намылила мочалку и начала тереть себя со злостью. На кого злилась — непонятно, скорее всего, от общего своего бессилия перед всей ситуацией. Невыносимо жалко было, что осталась без бабушки. Без того места, где становилось тепло и бестревожно. Плачут ведь не по умершим, плачут по себе, оставшейся здесь без того, кто ушёл. Без тех чувств и эмоций, что давало общение. Без тепла объятий, которые не сможет дать никто, кроме неё. Почему-то рисовалась картинка: бабушка сидит на стуле в зале возле серванта, а Манюня — рядом на полу, положив голову ей на колени. Бабушка гладит её по голове, как она это делала в последний день её на земле. Ещё вчера.

Женщина расплакалась. Чёрная дыра внутри радостно расширилась.

Со временем Маруся научится управлять размерами этой боли внутри себя. Станет наполнять её тёплыми воспоминаниями с любовью —тогда дыра будет сжиматься и больно пульсировать, но жрать изнутри человека ей уже не удастся.

Маруся и шашечки (2011 год)

Маша уложила детей, выпила большую чашку кофе, выкуривая сигарету за сигаретой, прошлась ещё раз по двухкомнатной съёмной квартире. Поцеловала сначала годовалого Антошу, потом тихонько стала на стул и поцеловала свою единственную дочурку, девятилетнюю Дашеньку, спящую на втором ярусе кровати. Внизу спал десятилетний Георгий, она тихонько поцеловала и его. Зашла ещё раз к Антошке, вздохнула, замкнула квартиру и вышла в ночь. Женщина завела свою серебристую «Ладу» и достала из багажника «шашечки». Машина стояла в торце дома, откуда виден был балкон на четвёртом этаже. Там висели детские вещи на верёвках по порядку: от большего к меньшему. У Маши тоскливо засосало под ложечкой: так хотелось лечь спать с детками.

Сегодня она приняла решение идти таксовать и съездила на рынок за жёлто-чёрными шашечками на крышу, чтобы было понятно, что её машина — это такси.

Саша лежал в больнице. Хронический остеомиелит у него был с детства. Левая нога, большой палец — начало. Нельзя ударять и никак травмировать, иначе внутри начинает гнить кость, ничем не выдавая этого процесса снаружи.

Последние недели Саша пил запоями. Не работал, мог вытащить и продать что-то из дома, чтобы было на что выпить.

Денег не было платить коммунальные платежи, нечем было платить за аренду квартиры, да и на еду уже не было. Когда муж пил, Маша не пускала его домой и вызывала милицию. Те забирали его на сутки, потом выпускали, и так по кругу.

Нет, Саша не был буйным. Не ругался, не распускал рук, не кричал. Просто напивался до состояния, когда не держат ноги, и валился спать. Маша тогда впервые выбрала себя и теперь удаляла его из квартиры единственным доступным в её понимании образом просто из нежелания дышать перегаром.

Идти её мужу было некуда. Родители умерли, квартира в Луганске продана, ни братьев, ни сестёр. У него была только она и дети, но это богатство не ценилось по умолчанию. Маруся этого долго не понимала.

Ещё за пять лет до появления Антона повесился младший брат Саши. Кто-то скажет, что больная, мол, родила третьего. Но Антон родился вопреки всему, хотя Маша пила противозачаточные таблетки.

После трагедии с братом её муж впервые ушёл в запой. Это было очень тяжёлое время. Она сама невыносимо переживала ситуацию, которая не могла вместиться в голове и разрывала мозг своей несуразностью, возмутительностью и невероятной силы болью. Маша оправдывала мужа, что это нормально — так переживать и пить, ведь горе-то какое! Но проходило время, и женщине надоело скакать одной с детьми и ждать нового подвоха от мужа.

Что делать, она не знала. Алкоголики — очень хитрые и изошрённые люди, которые никогда не признаются, что они алкоголики. Спустя годы, Мария понимала, что тогда она сама допустила невыносимый хаос в их жизни. Женщина всегда отличалась мудростью — никого не винить ни в чём. Она ещё не умела брать на себя ответственность в истинном понимании этого выражения, но и не перекладывала никогда её на других. Действовала, исходя из базовых настроек. Ей в голову не могло прийти, что настройки можно изменить, дверь не одна и выход можно найти, действуя иначе.

Снять другую квартиру Маруся не могла: не было денег. Здесь хозяйка знала её давно и шла на уступки. Возможность оплаты частями — это был главный плюс. Выгнать Сашу тоже не представлялось возможным: он шёл, плёлся или полз всегда домой. На тот момент Маша не видела выхода из этого замкнутого круга. Работать в каком-то постоянном графике она не могла, так как детки были маленькие и не с кем было их оставить.

Так она ушла в такси. Иногда возвращалась без денег, но живая, за что была безмерно благодарна Творцу. Но чаще она возвращалась с деньгами — уставшая, спавшая по два-три часа в сутки. Она вытащила тогда семью из финансовой ямы.

А ещё она верила и любила. Верила в мужа. Верила, что он перестанет пить и у них опять будет прекрасная семья. Когда Саша не пил, это был самый лучший мужчина на свете.

Лучший отец и муж. Она желала бы каждой женщине такого мужа. Вера её не подвела. Случилось. На восемь лет.

Для Марии семья всегда была самым главным в жизни. Выросшая с бабушкой и дедушкой и, как каждый ребёнок, мечтающая о папе и маме, она создавала свой идеальный маленький мир всеми силами, как могла. Каждого наполняла своей любовью, которой у неё было много внутри. Она свято верила, что её любовь может абсолютно всё, а значит, и Саша рано или поздно изменится.

Она его не переделывала, не пыталась изменить, просто любила и верила, отдавая всю свою душу, часто не оставляя ничего для себя. Всё отдавала детям и мужу. Ей бывало невыносимо тяжело, но женщина никогда не сдавалась. Плакала, чтобы никто не видел. Ездила в лес и орала сквозь рыдания, как раненый зверь — и отпускало. Потом слушала мантры и успокаивалась.

Руль спасал. За рулём она расслаблялась и ни о чём не думала. Душа улетала в свободном и счастливом полёте. Ей было хорошо, свободно, снова появлялись силы любить эту жизнь, родных и всех, кто был рядом.

Маруся и интуиция (2011 год)

Маруся уложила детей, выпила чашку кофе величиной с гранёный стакан, ещё и кипяточка долила несколько раз. Кофе был дерьмовый, растворимый, из самых дешёвых. Зато сигареты нормальные. Пять сигарет с такой безмерной чашкой кофе — самое то. Прикинув, посчитав и взвесив все ЗА и ПРОТИВ, Манюня взяла ключи и пошла таксовать.

Она купила шашечки, хотя знала, что гаишники стали штрафовать неофициалов. Звучит-то как! А она ведь только на жизнь за ночь еле накатывала. Максимум, если ночь хорошая, то на жизнь на пару дней.

Индикатор бензина стремительно понижался. Ровно на какой-нибудь один недалёкий заказ — и сразу надо будет заливать. У ДК Кирова вон рука, ага, нерусский... Та, какая разница! Но.

У Маруси была интуиция. Не то, чтобы прям как у тех просветлённых, о которых Маня тогда и не слыхала, но предчувствие беды всегда давало знать холодком в солнечном сплетении. Например, Сашу она находила в любом конце города с погрешностью в двадцать метров.

Вот и сейчас что-то стало Марии очень уж дискомфортно в своей родной машине. Захотелось остановиться, выскочить из авто и бежать.

— Там покажу, где остановиться.

Маня примерно знала, где это, но маршрут удлинялся, и конечный вариант ей совсем не нравился: частный сектор, окраина, там были только недострои и собаки.

На часах двадцать три с чем-то. На перекрестке Димитрова с Ленинским проспектом стояли гайцы. Решительно развернувшись по обручевскому кольцу (недалеко от перекрестка), Мария полетела к милиции.

Справа донеслось с акцентом:

— Ты куда это?

Гаишники уехали, но Манюня соображала в таких ситуациях невероятно быстро. Завернула налево, к таксистам. Чуть не въехала в задницу одному из тех, что кучками стояли на остановке. Остановилась с визгом шин и тучей пыли, испуганно взлетевшей вверх.

— Выходи, — сказала своему пассажиру, — мы никуда не поедем.

— Как это не поедем? Ты ох@@ла? А ну вези меня, куда сказал!

Машу окатило ледяной волной ужаса. Трясущимися руками она открыла дверь и, стараясь двигаться ровно, спокойно вышла. У машины уже собрались мужики, начали переходить с противоположной стороны таксисты. Самый огромный спросил:

— Проблемы?

Маша была на грани истерики, но произнесла очень ровно:

— Выходить не хочет.

Мужик подошёл к машине, открыл дверь.

— Выходим. Приехали.

— Я никуда не выйду. Пусть везёт.

Таксист повернулся к Марусе.

— Деньги брала?

— Нет.

— Она деньги брала у тебя? — уже пассажиру.

— Нет...

— Тогда выходи, или мы тебе поможем.

— Ах ты, сука русская! Если б ты меня довезла, я б тебя там и прирезал! Я б знаешь, что с тобой делал, тварь?

Лёгкий пинок под жопу прервал горячую эмоциональную речь и придал этому существу ускорения.

Машу просто подкидывало. Больше сдерживаться она не могла. Села в машину и завывала в голос. Мужики растерянно стояли вокруг и не знали, что делать. Кто-то из них сходил в Русап за кофе. Манюня благодарно приняла, выпила, крепко обняла мужчину и поехала.

Конечно, о дальнейшей работе не могло быть и речи. Маша ехала с выключенным радио и просто молча редела. Слезы текли двумя ручьями. Молилась, чтобы хватило бензина до дома. Прикидывала, где взять денег завтра на молоко Антоше, совсем не помнила, есть продукты или нет, как и с чем ехать к Саше в больницу. Доехать до дома, упасть, уснуть и забыть. Бензина хватило. Вселенная любила Марусю.

«Завтра будет новый день, и я обязательно что-то придумаю», — думала Маша, засыпая.

Необычные пассажиры Маруси (2011 год)

Маша приехала на заказ в своём районе, когда уже вечерело. Возле дома крутились старенькие наркоманы (так она называла наркоманов за тридцать). Встала у нужного подъезда и открыла книгу. Каждую свободную минутку она читала «Живые мысли» Анатолия Некрасова. Когда Маруся читала, то погружалась в книгу полностью, мир переставал для неё существовать.

В реальность вернул звонок от диспетчера: «Вы где есть? Клиент вас не видит». Маня покрутила головой — кроме наркоманов рядом никого не было.

— Это вы меня не видите? — вышла из машины.

— О-о-о, а ты — такси?

— Ну, не прям я, но я — водитель.

— А шашечки твои где?

Мария закатила глаза:

— Садитесь, ща будут!

Тому, кто сел спереди, Маша достала шашечки из-под сидения и вручила в руки. Сзади сел наркоман посвежее — в подоле футболки была кучка свежесорванных яблок.

Сосед Марии был «вмазан» просто в слюни. Он практически всё время втыкал, болтался, как осенний лист на ветру,

и грозился разбить свой лоб о панель. Маня остановилась, вышла и пристегнула бедолагу.

— А ты клёвая, — сзади жевалось и говорилось одновременно. — Будешь яблоко?

— Не, спасибо.

— Не «не», а на! — яблоко уже усиленно тыкалось куда-то в подмышку, и Маруся поняла, что здесь спорить бесполезно. Забрала. — А ты чо это, девочка — и в такси, не страшно?

— Страшно, но так сложилось...

Как ни странно, наркоманы были одними из самых спокойных и нормальных пассажиров. Все разговаривали без умолку, старались её угостить хоть чем-то, однажды купили торт, обязательно оставляли чаевые, хоть мелочь последнюю из кармана, но выгребут и отдадут.

Маня ехала, разговаривала, думая, какая жизнь — удивительная штука на самом деле, поглядывала на втыкающего дядю, который открывал глаза, оглядывался, гладил жёлто-чёрные шашечки и уходил в свой иной мир от реальности. Красивый, высокий — зачем?

Мысли, как вихрь, перенеслись в девяносто девятый год. Она жила у подружки, брат которой был наркоманом. В квартире в спальне мамы у них стояла металлическая дверь. Постоянно было полно каких-то людей, что-то варилось, колелось... Однажды одна из таких девушек пристала к Марусе:

— Давай, ты попробуешь? Ну давай! Ты знаешь, как классно, когда ты под кайфом? Там совершенно другой мир...

В это время рядом на кресле сидел парень и втыкал: челюсть отвисла, голова почти лежала на груди, слюна стекала на футболку.

— Вот так классно? — спросила Маша.

— Ты не понимаешь, это здесь он так выглядит, а внутри — совсем другое...

С такими предложениями к ней там приставали не однажды. «Божечки, какая я молодец, что не повелась тогда», — думала Маруся.

Так и доехали. В итоге все яблоки из футболки перекидали в багажник, чтобы она от голоду не померла. Маня была тогда такой худенькой, что всем хотелось её накормить.

Потоп (2013 год, весна)

Маруся проснулась от звука автомобильной сигнализации. Глянула на телефон — половина второго. «Что за хрень?», — пролетело в голове.

— Са-а-аш, Сашу-у-уль, — Маша шёпотом будила мужа. — Слышишь, «Гранта» кричит? Глянешь?

Саша оделся и вышел. Мария ничего не боялась. Стояла середина февраля, а в конце июня они купили дачу в черте города. Место было просто чудесное: до цивилизации пешком — двадцать минут, а на машине, если очень медленно — пять. С одной стороны — дачные улицы, с другой — тоже дачи и лес сосновый, дубовый — смешанный. Запахи такие круглый год, что голова кружится. Здесь было спокойно, гармонично и умиротворённо. С трудом представлялось, что кто-то может полезть в машину.

— Маша, там река течёт, дрова плывут и стучат об машину, поэтому сработала сигнализация.

Маруся молча смотрела на Саньку — сегодня он не пил. Какая, мать его, река? Наверное, всё, что она думала, было хорошо видно на её лице.

— Пошли, сама посмотришь, — Саша разговаривал совсем без эмоций, и у Маши начало закручиваться от нехорошего предчувствия в месте солнечного сплетения. Не холодом даже, а целыми ледяными осколками.

Обула калоши, накинула куртку мужа и потопала за ним. Выход за двор был через гараж. Мария вышла к машине и потеряла дар речи: нос Гранты был уже в воде. Впереди реально бурлила река. Неслись брёвна, ветки, что-то ещё. Женщина окаменела.

— Может, попробуешь проехать через воду?

Она открыла дверь, села, ноги по щиколотку окунулись в ледяную воду. Впереди в темноте бурлила вода, капота уже не было видно. Маша сглотнула колючий ком.

— Саш, не смогу...

Тот, почти по пояс в воде, снимал клеммы и вытаскивал аккумулятор.

— Маш, вода прибывает, надо убирать всё из гаража.

Манюня заблокировала свои чувства, включился робот — все эмоции потом. Она всегда так делала в критических ситуациях. Женщина не знала, что это окончательное «потом» будет очень нескоро.

Щенок Талисман лаял на воду. Забегал глубоко — Маша переживала, что утонет — и лаял в страшную темноту. Вода поднималась всё выше. Саша что-то убирал, носил, сновал туда-сюда. Она механически хватала, несла, уносила, перекладывала. Нужно было что-то делать, чтобы не думать, не осознавать того, что случилось...

Бессилие и ужас липкими щупальцами крепко обнимали тело. В голове проносилось: «Интересно, как много может быть воды? Ладно, до второго этажа не должна дойти... До

какого второго?! Это что, утонет всё, что на первом? Что это, вообще, такое? Может, я сплю? Надо соседу позвонить». Подняла глаза до второго этажа, охренела, отмахнулась от мыслей — не думать! Набирала соседу бесконечно, но он был недоступен... Вода дошла до половины гаража. Маруся вспомнила, что в бардачке машины все документы. Саша матюкнулся. Вышел из воды мокрый выше пояса. Маша старалась не смотреть на машину. Два дня назад закончилось каско, машине — год.

Ходили, носили бесконечно, но вода прибывала невероятными темпами.

Позвонила в МЧС, там сказали, что у них вода убывает, и они что-то перекрыли...

Во дворе появился гулкий шум водопада. Маруся пошла на звук: во дворе за гаражом был старый колодец, из которого брали воду, когда не было света. Вода была техническая, но всё же. Колодец был в виде широкой асбестовой трубы с привязанным старым чайником. Женщина просто окаменела от увиденного: вода с соседнего участка водопадом стекала во двор и лилась в этот колодец — отсюда и жуткий неестественный звук. На улице был мороз. Кое-где белели островки снега, но в основном был тонкий ледок. Этот лёд и клочки снега быстро исчезали под водой, которая, как увеличивающаяся черная змея, ползла и поглощала землю.

Маша почувствовала, как холодный пот заструился меж лопаток и под грудью, она начала дрожать, но мысленно рывкнула на себя, приказав телу заткнуться. Позвала Сашу, тот высказал вслух её мысли:

— Маш, это пи*дец!

— Согласна. Что делать?

— Привет вам, как вы? — быстро приближался с другой калитки сосед Санечка. — Я выгнал машину на бугор к Просторной, еле прорвался вниз, там мыши-крысы с полей тучей бегут. А где ваша «Гранта»?

Воды в гараже было уже выше колена. Гараж стоял чуть выше, чем подъезд к дому. Машина находилась под уклоном носом вниз, багажником к гаражу. Двор был ещё выше гаража, уже весь заполненный водой. Она приближалась к пристройке из кирпича, которую успели построить летом. Крыши ещё не было, а хлипкая дверь не вселяла никакой надежды.

— Надо уходить! — произнесли Саши одновременно.

У Маши защипало в носу.

— Я не уйду. Это мой дом... Это мой дом! — внутри неё всё дрожало, отрицало, сопротивлялось, хотело орать и плакать. Плакать до одури и пустоты. Про машину она уже не думала. Она боялась за дом. Это была старенькая дачка. Они смогли купить её, потому что помогла мама; окон почти не было, как перезимовали — не передать словами. Это был её дом — по настоящему её. Не тот, который снимали двена-

дцать лет, не дом бабушки, где она выросла, и откуда её выгнал дядя.

— Это МОЙ ДОМ! Я не отдам его ни воде, кому бы то не было, понятно?! — почти прокричала она.

Её Саша знал, что спорить бесполезно. Саша-сосед всё равно настаивал:

— Потом нигде не пройдем... Саш, тебе ж на работу...

Мария забрала у мужа всю пену, весь герметик и клей, что были в доме. Крепко поцеловала в губы, обняла соседа, которого любила, как брата, да и считала братом, пусть и не по крови, и закрыла дверь.

Набросала тряпки, куртки, одеяла, запенила, заклеила и загерметизировала двери по всему периметру. Села и впервые закурила в тишине за эту ночь. Внутри было серое месиво, в котором она не хотела сейчас разбираться.

В тишине спящего дома (а дома спали трое детей), вдруг раздался звук капающей воды. Маша почти физически почувствовала, как разум пытается её защитить и твердит, что показалось. Но капало всё чаще и громче.

На кухне был погреб. Марусе стало страшно, не хотелось открывать и смотреть, очень не хотелось, потому что было очень страшно.

Позвонила Саше.

— Открывай!

У них в этом маленьком погребе стояла водная станция. Когда Маша открыла крышку и осветила фонариком, то

просто охренела, по-другому не сказать: станция наполовину была в воде. Каким-то не своим глухим голосом Маня общилась мужу:

— Станция в воде. Саша, вода поднимается... Сашенька, мне страшно, — женщина впервые произнесла свои чувства вслух, но не передала и сотой доли того, что она чувствовала.

Маша как заколдованная смотрела в тёмный погреб. Набрала воды во все банки, во все кастрюли. Вода неумолимо поднималась. Женщина смотрела в наполняющийся погреб. Талисман лаял — судя по всему щенок понимал, что происходит какая-то ерунда, которой не должно быть в природе.

Маруся курила одну за одной сигареты, смотрела в окно, видела весь двор в воде, закрывала глаза, открывала глаза, но ничего не менялось.

Звонил Саша. Рассвело. Её муж с соседом проехали в лес и с другой стороны «реки» махали ей руками. Маня села на подоконник, открыла окно и закурила над водой. Всё происходящее с трудом укладывалось в голове, а если быть откровенной, то вообще не укладывалось. Всё в воде. Вода поднимается в погребе, станция, что подавала воду, уже утонула. Дрова, которые только позавчера купили, уплыли. Что-то в летней кухне не убрала, кажется. Мария видела, что там воды уже почти по колено.

Казалось, что так не бывает, но самое страшное — ниче-

го нельзя было сделать. Маша была абсолютно бессильна перед мощью стихии или не стихии — где там что МЧСники перекрыли? Они периодически ей позванивали, предлагали приехать откачать.

— Что откачать?! — Маша расхохоталась. — Вы что, не понимаете?! У меня река полноценная херачит за окном! Настоящая река! Понимаете? Брёвна и деревья несёт со страшной силой!

— Мы всё равно поможем, мы приедем к вам, — спокойный уравновешенный мужской голос действовал на Манечку умиротворяюще. Она верила им. Сама не знала почему, но что-то было в этом голосе, что заставляло успокоиться и верить в то, что всё будет хорошо.

— Манюнь, я отпросился с работы, взял у ребят насос, куплю продуктов сейчас на Машмете, и домой, — Манюня слышала, что Саша уже выпил, но это было неважно: она нашла, что он доберётся, и всё сделает по порядку. Она сама сейчас бы выпила грамм тридцать. У неё рюмка такая хрустальная была, и Маша, когда невыносимо уставала, выпивала три таких рюмки, после чего физически ощущала, как мышцы на ногах расслабляются, и по всему телу разливается приятное тепло.

Следующие полтора часа Маруся провела в жутком страхе: вода поднималась всё быстрее, Саша заблудился, так как с этой стороны к дому они ни разу не ходили и не ездили.

— Марусь, мать его, я понимаю, что где-то рядом, но хер

пойму, где.

Тогда Мария ничего не знала о тотальном доверии к Пространству и опоре на любовь Творца внутри себя, но именно это она и сделала. Женщина до конца осознала, что сейчас от неё ничего не зависит — она не может ничего сделать, хоть это и было очень сложно принять. Она привыкла абсолютно всё контролировать и всем руководить, но сейчас она была абсолютно бессильна. Почему-то даже не стала убирать ковры с пола, хотя всё говорило о том, что вода в ближайшие минут сорок польётся по комнатам.

Закурила очередную сигарету и выдохнула дым в Небеса. — Какого чёрта? — спросила она неведомо у кого.

Маша снова посмотрела в хмурую высь и подумала: «Будь, что будет».

Раздались булькающие шаги. Появился Саша. Он тащил два огромных пакета. Джинсы были закатаны, босиком, ноги бордового цвета.

— Саня, ты охренел?

— Мне мешали мокрые тяжёлые кроссовки. Отходи, — отдав Маше пакеты, он подтянулся и запрыгнул в окно. Дверь в дом была надёжно законсервирована самой Марией.

Саша подошёл к погребу, смачно выматерился и булькнул обратно за окно. Притащил шланг. Перемахнул в дом, насос опустил на самое дно погреба, шланг — на улицу. Полилась вода из дома в воду за окном. Уровень стал падать. Маруся выдохнула.

Манюня так устала! Всё было слишком реально, чтобы быть списанной на сон или абсурд. Как страшно осознавать, что ты бессильна и не можешь ничего сделать! Как сложно искать внутри себя опору на саму себя, не умея этого делать! Как это по-человечески — гневаться на Творца за то, что он допустил такое.

В голове крутилась мысль: «Какой-то кошмар! Что же теперь делать?!».

Как только откачали воду до пола, Саша поел, выпил и отрубился. Перед сном успел наказать жене следить за водой в погребе. Шланг так и торчал в окно детской спальни — то есть оно было открыто. Погреб распахнут прямо посередине кухни, не огородить никак. Антошка совсем маленький, три годика. Марию уже периодами потряхивало, она ничего не ела — боялась, что поест и уснёт там же. Зато кофе выпила с почти пачкой сигарет.

— Привет соседям, — в окно, улыбаясь во весь рот, залез Саша-сосед. Одет он был в защитный костюм, в котором сапоги переходят в комбинезон. — Я так зайду, ничо?

— Сань, а ты и не зайдёшь нигде больше, — Маша любила Сашу крепкой сестринской любовью. У неё родных сестёр и братьев не было, а любви внутри было много.

— Ну, как вы тут? О, глянь, вода опять набирается!
Мария матюхнулась.

— Саш, когда это закончится?

— Марусь, я дачу купил на месяц раньше вас. Сам в ахере.

Ты собираешься что-то делать?

— Да! Я собираюсь поесть, иначе упаду. Уже три часа дня, а я не сплю, не ем и на ногах. Я скоро рухну! Ты будешь?

— Да, буду, но я не о том. Надо везде писать и трубить. Нифига себе, у вас столько всего утонуло!

Саша был ещё тем заводилой. Агитатором и идейным. Маня сейчас не хотела ни о чём думать. Ей хотелось уснуть и проснуться как раньше — без воды во дворе и в доме. Она накрыла на стол, достала водку:

— Будешь?

— Давай.

— Ты знаешь, сколько раз мне позвонили за сегодня из левобережной администрации? Они меня замучали. «Что вам надо?», — спрашивают. Ну вот что мне надо?! Поспать. Машину целую. Машину дров позавчера купленных. Станцию не утонувшую, чтобы у меня была вода. Я не хочу, Сашуль, с ними связываться. Они едут ко мне с восьми утра. «Вы дома? Мы едем!», — уже из Москвы можно было доехать.

Снова откачали воду. Маруся смотрела на льющуюся из шланга в во двор струю и размышляла об удивительной природе, которой вообще было всё равно на построенные дома и живущих в них людей, которая не замечала человека. Природа функционировала согласно своей природе...

Мария плюнула, затушила бычок.

— Надо писать письмо Путину.

— Сань, ты вообще?

Дальше Маруся с полчаса сидела, подперев лицо кулачками, между сном и явью, слушала соседа и угукала, когда подходил нужный момент.

— Так, чай будешь?

Маша понимала, что ей надо каким-то образом держаться неизвестно сколько. Её Саша спал. Старшие детки забрали Антошку и играли наверху, смотрели мультики. Спускались под её строгим контролем поесть и в туалет. Сколько придётся держать погреб открытым, женщина даже представить себе не могла.

Завтра решили написать письмо в прокуратуру и Путину. Нужно искать виноватых. Саша-сосед ушёл. Маруся опять включила насос — вода снова набралась...

Проснулся Саша. Мороз на улице высушил и покрыл ледяной коркой двор. Открыли замурованную дверь. Муж посмеялся над тем, как на совесть Манюня заклеила её по всему периметру. Все вещи, которыми обложили дверь, со двора были мёрзло-мокрые.

— Вода ушла, и хорошо, — Саша заглядывал в до сих пор открытое окно с шлангом в руках. — Машина вся обмёрзла, пойдёшь посмотреть?

— Не, Сашуль. Мне страшно что-то. — Маша боялась,

что сойдёт с ума, когда увидит свою любимицу в таком виде. Внутри была смесь не совсем понятных чувств и эмоций: периодами она обвиняла «Гранту», что та утонула. Понимала всю их абсурдность, но надо ж было кого-то винить... «А вообще, кто виноват в этой ситуации?», — этот вопрос тоже иногда пробивался поверх всех мыслей и звенел тревожным колокольчиком.

Спустилась ночь. Звёзды на небе сияли ярко и красиво. Молодой месяц безразлично освещал серебристый лёд. Маруся курила во дворе. Дети уложены, Санька опять хорошо поел, выпил и уснул. Тишина и лай собак по дворам то там, то с другого краю. «По Гоголю», — подумала женщина. Красиво и хорошо, если бы...

Зазвонил телефон — опять администрация.

— Мы подъезжаем. Вы можете к нам выйти?

— Куда? — перед двором ещё стояла вода, и вообще, Маня не понимала, где они могут к ним проехать.

Женщина начала объяснять, но для Маруси всё было на иностранном, так как никаких улиц и соседних СНТ она не знала. Ездил всегда одной дорогой, по которой сейчас разлилась река. Но Маша не привыкла сдаваться и рявкнула своё любимое «хорошо» в трубку — её и так уже сегодня достали глупыми и бессмысленными звонками, которые ничего не решали... Одни и те же бесконечные вопросы, причём от одних и тех же людей.

Зашла, глянула в погреб — воду только откачала, часа

полтора-два у неё было. Вода стала набираться медленнее. Закрыла двери и ушла через второй ход по заброшенным участкам на другую улицу. Было темно. Выбегали и бросались собаки. Только сейчас Маша сполна ощутила, как нечеловечески она устала. Женщина заблудилась. Села на пенёк и заплакала. Сидела и плакала, пока не выплакала всё, что накопилось с двух часов ночи. Еле нашла буханку из администрации: они сигналили, и она шла на звук. Непонятно, зачем Маша была им нужна. Дали туалетную бумагу и воду. Как озвращаться, женщина не понимала.

Позвонила Саше. Звонила много-много раз, но когда её муж спал, то могло происходить всё, что угодно — сон был могуч и крепок! Зато проснулись Георгий и Даша, а может, они и не спали ещё. Было около одиннадцати. Антошку-то она уложила, а старшие детки засыпали сами. Маруся попросила одеться и выйти на улицу покричать. Так, с горем пополам, женщина добралась до дома с сомнительными дарами. Откачала ещё раз воду, завела будильник на через два часа и просто рухнула спать почти через сутки, а по ощущениям — через неделю событий и переживаний...

Маруся проснулась, вернувшись мыслями в водный кошмар. Она знала, что будет очень тяжело во всех смыслах.

Женщина трудилась день за днем, дело за делом, не задумываясь, насколько это трудно и тяжело, просто делала и де-

лала, и пела песни, продолжая улыбаться.

В броднях — это такие сапоги для рыбаков или охотников, высокие настолько, что Машкины длинные ноги помещались и ещё можно было бы аж по пояс развернуть их, — она перешла странными неведомыми путями через заброшенные участки на соседнюю улицу к машине Саша-соседа. В городе текла своим чередом нормальная обычная жизнь — это всегда удивляло Марусю и возвращало из страданий.

Они с Сашей написали письма в прокуратуру и Президенту — это стало вовлечения в кошмар других людей.

Из школы звонили учителя Георгия и Даши. Приходили люди, чтобы описать условия проживания. Левобережная администрация пыталась обвинить, что не уследили за детьми, и что имущество утонуло... Театр абсурда собирал полные залы, срывал овации, выходил на бис снова и снова. Марию вызвали и в администрацию: «Давайте мы заберём ваших детей в приют временного содержания, где есть вода и другие условия». У женщины внутри всё сжалось и заледенело: «Спасибо. У моих детей всё есть. Никогда не заберёте!».

Единственные нормальные люди, которые реально помогали — это были сотрудники МЧС. Впервые Маруся познакомилась с ними лично, когда высокий мужчина в каком-то практически водолазном костюме прошёл через воду по шею и принёс ей листок с отказом от эвакуации. Маша подписала.

— Что-то нужно прямо сейчас? — ясный взгляд красивых глаз и спокойный голос окутывали, как тепло маминых рук, и дарили надежду на лучшее.

— Не знаю даже. Нет дров практически, нет воды.

— Сейчас мы подъедем с другой стороны, там должны прорваться, собирайся, съездим за водой! Насчёт дров узнаю.

Мария быстро собрала все пустые ёмкости и вылетела ждать машину.

Манюня никогда в жизни не забудет, как ехала в огромной машине и после кольца под двумя железнодорожными мостами расплакалась: «Теперь у меня никогда не будет машины! Как её починить, если она выше дворников три дня в воде простояла? Никак!». Но эти крепкие мужчины почти хором ответили, что, мол, вспомнит она ещё этот момент, когда будет ездить здесь каждый день на своей «Гранте»! Мощная добрая сила окутывала Машу, просачивалась под кожу, разливалась в каждой клеточке — и женщина чувствовала, что жива, что всё ей по силам, что всё идёт к лучшему, что «хорошо» начинается уже сейчас.

Спустя десять лет, спустя двадцать и больше, проезжая те места, Мария всегда вспоминала свои слёзы беспомощности, и ей не было стыдно за слабость. Так было надо, Много силы пришло к ней от храбрых сердцем и душой мужчин, которые оказались рядом не случайно.

Когда Маруся впервые вышла к утонувшей машине, огромный колючий ком застрял в горле и пропускал только ма-аленькую струйку воздуха, достаточную для того, чтобы невозможно было умереть от удушья.

Салон был в грязи, будто в машине была не вода, а густая жижа. Вся панель, сиденья будто впитали грязь всего мира. Маша обошла «Гранту» сзади, открыла переднюю пассажирскую дверь и не выдержала — опустилась на колени и прислонилась головой к машине. Через лоб в неё полился леденящий душу ужас. Женщина поняла, что это чувства «Гранты». Как бы ни бредово это звучало, она чувствовала то, что испытала машина в момент потопа.

Машка отклонилась — всё хорошо, прижалась головой — снова кошмар. Не выдержала и разревелась.

С машиной нужно было что-то решать. Вокруг после резкого мороза были осколки льда, льдины, и в целом творилась какая-то ледово-ледяная вакханалия. Машина вся обмёрзла изнутри и снаружи. Красивые морозные узоры смущали Марусю. Как ехать? Но главный вопрос — как её доставить до мастерской?

Денег на ремонт перевела её ангел-хранитель Лесёнушка, а после публикации в газете позвонил ещё какой-то мужчина и перевёл пятьдесят тысяч рублей, даже не представившись. Маня договорилась в автосервисе, где отремонтировала машины с самого первого дня вождения, что они возьмутся

за утопленницу, хотя до этого они никогда такими случаями не занимались. Договаривалась она и с электриком Юрой. Это был молодой парень, который на взгляд определял любую боль машины и не залечивал, а устранял её.

Эвакуатор не захотел проехать до Гранты какие-то пятьсот метров, но срубил с женщины денег за вызов. Саша на работе. Маша всегда одета, как водитель — практически никаких тёплых вещей и обуви, я ж в машине: там пробегу, здесь быстренько заскочу.

Маруся пошла на автобазу пешком: вроде и недалеко, километра два, два с половиной, но замёрзла через десять минут пешего хода. В то время народу зимой на дачах жило не много, и надежда на попутку была нулевой. Машка шла минут сорок и промёрзла до костей. Кости звенели от мороза — по крайней мере, по ощущениям так и было.

На автобазе ей сказали, что никто не поедет тянуть её машину, и развернули обратно, и Маня разревелась. От всего сразу. Постояла, покурила, поревела, вытерла сопли и пошла дальше.

Неподалёку находился цементный завод. На заводе работал Коля — муж подруги Оли. Зашла на территорию, увидела Колю, рассказала. Подошли ещё мужчины, завели в вагончик, напоили чаем — тело вернулось к человеческой температуре. Нашли Камаз.

Подпрыгивая на кочках и болтая с водителем, Мария за-

была напрочь о своих слезах и конце света, что маячил ещё каких-то двадцать минут назад. Это была главная фишка Марусеньки — не застревать в печалях: было и прошло.

Водитель Камаза с улыбкой от уха до уха протёр стекло с двух сторон:

— Давай, я буду потихоньку ехать.

Стекло в «Гранте» запотевало и замерзало все двадцать минут, пока они ехали. Маня окоченела, но не чувствовала этого, пока не доехали до мастерской. Посидела у Юры:

— Юр, ездить будет, прямо как раньше?

— Ну конечно, а ты как думала? — широкая улыбка, ласковые карие глаза. Парень занимался борьбой, заочно учился в институте и работал в мастерской.

— Юр, а когда забирать?..

— Мы её ещё и не разобрали, а ты уже... Надо ж просушить, потом я её всю промажу, чтоб коррозии не было, и она ещё сохнуть будет. Делов тут много, Марусь, так что не рассчитывай на быстро, минимум недели две-три. Главное, что она уже здесь, и мы будем её восстанавливать.

Мария много раз пожалела, что послушала соседа и написала письма с жалобами. Если местная прокуратура завернула дело по-быстрому, то написанное президенту письмо спустилось в Левобережную администрацию, и не давало там покоя, по-видимому, никому. В один прекрасный день при-

ехала инспектор по делам несовершеннолетних с милиционером, а Саша как назло в это день не пошёл на работу и напился.

Это был кошмар. Сначала она хотела, чтобы муж подождал за двором с другой стороны, когда уйдут органы опеки, но Санечке не сиделось: он то прибегал — замёрз, то убегал — согрелся, и она поняла, что это плохая затея. Тогда Маша положила его в одной из комнат внизу и наказала, чтобы не шевелился.

Инспектором оказалась приятная девушка. Она посмотрела всё очень внимательно, заглянула во все уголки. Каким-то чудом не пошла в ту самую комнату. На вопрос о муже Маша бессовестно соврала, что на работе, но тут вдруг открылась дверь и Саша вышел оттуда царём — в труселях. Маше захотелось моментально провалиться сквозь все слои Земли-матушки и сгореть в ядре планеты.

— А вы говорите, что на работе! А он прячется в комнате, — повернулся милиционер к женщине. Маша начала лепетать что-то про вернулся с работы, не заметила.

— А чего это прячусь? Я в своём доме! Где хочу, там и есть! — продекларировал, покачиваясь, полуголый Александр и демонстративно ушёл обратно в комнату, не забыв напоследок хлопнуть дверью.

Маша глубоко вздохнула и подняла глаза на женщину в погонах.

— Часто он пьёт?

— Нет.

— Понятно.

Ушли. А Маня села и расплакалась, много думая при этом матерным текстом. Оглянулась. В доме есть всё. Не было только туалета и ванной. Они только что поставили пластиковые окна на первом этаже, сняли одеяла и всякие тряпки с расколотых окон, сквозь которые уходило тепло. Саша начал сам ставить подоконники. На них у Маруси всегда было много цветов. Красивая тюль, на полах везде ковры, чтобы босым ножкам детей не было холодно. Тесновато, да — три комнаты внизу и одна большая — наверху. На это лето у них с Сашей большие планы: построить пристройку, там будет и ванная, и туалет, и гостиная — дом станет больше. Если сейчас отберут детей — зачем всё это?

Спустя двенадцать лет скитаний по квартирам, районам города, городам России и не только у них наконец-то появилось своё жильё. Столько усилий. Ради чего?

Маша курила одну сигарету за другой. На пороге с улицы так и не смогли выдрать изо льда кучу тряпья, которым обкладывали дверь, когда прибывала вода. Женщине показалось, что это было в какой-то прошлой жизни. Она разо-злилась, зарычала, начала кричать и отдирать эти тряпки. Царапала пальцы в кровь об лёд, но не чувствовала. Орала и редела одновременно, на коленях выцарапывая покрытую льдом ткань из земли, пока не выдохлась и без сил осталась

сидеть, всхлипывая и рассматривая кровь на руках. В который раз её накрыло чувство отчаяния, бессилия и безысходности. «Возьми жизнь в свои руки», — вспомнились слова Леси. Вот, взяла, а толку? Женщина вздохнула, встала совершенно опустошённая. Ей так хотелось отдохнуть. Просто лечь и читать, спать, и чтобы никто не трогал.

«Я так устала», — подумала она безразлично, даже не чувствуя этой усталости. Внутри было пусто и холодно. Вот бы сейчас кто-то обнял и пожалел. Бабушка умерла. Мама никогда её не чувствовала так, как хотелось. Внутри Маруси был лёд, как на улице.

Заглянула к Саше — конечно, теперь он спал крепким сном младенца. «Очень вовремя», — пробормотала Маша безразлично.

Потом Маруся узнала, что инспектор написала очень хорошую характеристику и по условиям проживания, и по ним, как родителям. А через неделю её вызвали в отдел полиции к инспектору по делам несовершеннолетних.

Мария всегда искренне недоумевала, почему в милиции в кабинетах ремонт прошлого века: обои всегда свисали оторванными кусками, по стенам и потолку шли неприятные жёлто-коричневые разводы. В кабинетах всегда было настолько тоскливо и уныло, что хотелось реально поднять голову и завывать на одинокую, печально свисающую на прово-

де без плафона лампочку. Не спасало положение и кресло, которое, кажется, успело постоять во всех кабинетах и просто никак не могло добраться до мусорки: кому-то становилось его жалко, и его снова забирали в кабинет. Сиденье было продавлено почти до пола: когда садишься на витиеватый узор велюра в ожидании мягкости, зад не обнаружит даже пружин — в пятую точку врезается деревянный каркас, и человек складывался практически пополам. Становилось понятно, почему подлокотники были погрызены: скорее всего кто-то доставал себя из этого грубого кенгурятника зубами в прямом смысле слова. Как вариант, можно было сесть на краешек и сидеть в положении натянутой струны с риском провалиться — такая вот современная пытка.

Маша села на железный стул — от него не ожидалось никакого подвоха. Инспектор выглядела дружелюбно, и Маня внутренне выдохнула, так как шла сюда с такой кашей в голове, что буквы мыслей убивались друг о друга.

— Мария Александровна, я буду с вами откровенна. Я у вас была, видела ваш быт, вы — абсолютно нормальная семья. Но у меня поручение от нашей администрации. Если вы не закроете рот, изъять у вас детей. Если у вас условия проживания соответствуют, то почему вы жалуетесь, а если нет, значит нам придётся детей изъять до улучшения условий — такая логика. Всем абсолютно всё равно, что у вас там утонуло, а что поломалось из-за воды. Нужна тишина.

— Я сама уже не рада, что написала письмо. Замучили

проверками абсолютно всех, даже кто ни сном, ни духом. Никак не найдут крайнего. Я благодарю вас за участие.

Машка шла по двору отдела. Вокруг было красиво от пушистого снега, на берёзах кое-где до сих пор оставались яркие жёлтые листья, и эти ярко-жёлтые пятна добавляли света в пространство вокруг. Красивые стройные милиционеры курили кучкой и громко хохотали. Мыслей не было. Была усталость и непонимание происходящего. Крайних левобережная администрация нашла — это были они с Сашей.

МЧСники приезжали постоянно. Привезли берёзовых дров. Жар от них был необыкновенный. Много-много лет спустя Маше казалось, что жарче, чем те дрова, ничто не горело.

За водой она до тех пор каталась с ними, пока ей не сделали машину.

Приезжал их самый главный. Разговаривали. Все эти мужчины были открытые, отважные. В глазах читалось так много, что хотелось плакать и радоваться одновременно. От их взгляда становилось тепло внутри и надёжно снаружи. Они искренне сопереживали и участвовали в жизни Маруси почти месяц.

Однажды позвонили и попросили приехать. Дали прочитать письмо, в котором они обвинялись в халатности и бездействии и ещё много чего было написано — крайние на-

шлись! У Машки аж дыхание перехватило:

— Это же неправда! Это неправда! — женщина смотрела на взрослого мужчину, в глазах которого были растерянность и непонимание. Он пожал плечами:

— Как-то так. А вы можете написать, как было на самом деле? У нас под увольнение командир попадает.

Мария тогда впервые столкнулась с бездушной и нелогичной машиной законодательства. Она написала и оставила им письмо. Потом приехала домой и написала Президенту. Написала всё, как было. Написала, сколько внимания и заботы её семья получала от славных искренних мужчин. Написала, что губернатор выплачивал всем, кто пострадал от половодья, пусть и только тем, кто был здесь прописан.

Тогда её в последний раз вызвали в администрацию Левобережного района. Машка так устала от всех этих вызовов «на ковёр» и проверок, что уже не было ни моральных, ни физических сил. Но её позвал главный по району МЧС.

Просторный светлый кабинет. Портрет президента и икона.

— Вот вам деньги. Вы же знаете, что губернатор выплачивает всем?

Маша тогда не знала:

— Вы столько помогали, у меня нет слов, чтобы передать, сколько благодарности в сердце к каждому из вас.

— Мы здесь не можем перепрыгивать через должность. Только снизу и по ступенькам вверх. Поэтому зачастую и

остаёмся людьми.

Спустя время Маруся узнала, что губернаторские деньги автоматически приходили людям на карточки. Выходит, старший инспектор достал из своего кармана и отдал ей пятнадцать тысяч рублей. Она так всё и написала.

Где-то через месяц заехала в главное здание МЧС. Ребята сказали, что увольнять никого не стали, но выговор вlepили. Мол, они должны были предупредить, что пойдёт вода, и вывезти их семью оттуда, но они не знали, что на дачах живут люди.

Главный вопрос, который мучил всех участников ситуации: откуда появилась вода? Два раза за три дня! Это не были талые воды. После того инцидента такой «большой воды» не было ещё два года. Потом она появлялась снова при всяких разных странных обстоятельствах, но Маруся и Саша уже знали, чего ждать, и всегда были готовы.

В апреле того же года всё вдруг расцвело вокруг. Цвело всё очень богато: в цветах были все деревья, соловьи пели так прекрасно, что перехватывало дыхание. Маня никогда не слышала соловьёв до этой весны.

Маша и Саша стояли, обнявшись, и смотрели на необычайную красоту природы вокруг, слушали соловьёв. Молчали. Они постоянно думали в последнее время, что делать с жильём: продавать или нет. Если продать, то потом за эти

деньги ничего не купишь.

— Давай не будем, — одновременно сказали мужчина и женщина, и ещё крепче обняли друг друга.

Это удивительное волшебное место осталось их счастливым домом навсегда.

Талисман (2012 - 2014 годы)

— Тебе надо написать про собаку. Вижу возле тебя большую собаку. Есть собака? — женщина вопросительно посмотрела на Марию Александровну. — Может в прошлом была собака, которая оставила след в твоей жизни?

— Талисман. — Маша не смогла сдержать моментально появившихся слёз.

— Понимаешь, ты когда пишешь, ты излечиваешь свою душу и даёшь силы той душе, которая тебя читает.

Была собака, все очень любили, умерла, плакали все — очень переживали. Долго никто не мог прижиться после того пса. Не понимала Маруся, о чём здесь можно написать, чтобы и самой излечиться, и с посылом для другой души, которая находится в примерно той же ситуации. Но мысль сидела гвоздём.

Маша заправляла постель, смотрела в окно на зарождающийся рассвет над любимым сосновым лесом, на душе было тихо и спокойно. Скрипнула калитка и закрылась. На калитке не было замка никогда. Забор — и тот поставили всего несколько лет назад. Вдруг она так и замерла с пледом в руках. Она вспомнила, как появился Талисман в её жизни.

Она вспомнила, когда ей пришла первая мысль завести большую собаку, чтобы та могла её защитить — и слова засуетились, не споря и не толкаясь, стали ровнёньким строем

готовые к выходу. «Так вот почему излечиваюсь — осознаю, делаю выводы!», — Марию осенило. Как слова не выровнились, сначала их нужно было выносить и прорастить. За эти три дня Маша успела посадить все свои цветы и овощи и заболеть.

Последний, третий день, поставил точку. Манюне было очень плохо, она лежала весь день, а вечером расплакалась. Представила, что берёт себя маленькую на ручки, качает и напевает какую-то бессмысленную утешающую песню. Стало гораздо легче. Пришёл Саша с работы и неожиданно повёл себя по-идиотски. Щёлкнуло — пазл сложился: «Я до сих пор одна, без мужской защиты и ничего не изменится».

Ну, что ж, пора излечиться (2012 год, начало зимы)

Всё началось с денег.

Как часто что-то начинается с денег? Гораздо чаще, чем нам кажется. У Марии в те времена с деньгами взаимоотношения были невероятно сложные. Даже когда она работала на трёх работах одновременно, денег хватало только на выживание. Что, в принципе, доказывает неправильность утверждения о том, что чем больше работаешь, тем больше зарабатываешь. Но именно в тот момент, когда начиналась эта история, Мария Александровна взбрыкнула и вдруг перехотела быть ломовой лошадыю. Вспомнила, что она девочка и, вообще-то, ЗАмужем. Бросила в один день все свои работы и села дома.

Саша вышел на работу месяца три тому назад. Они летом только купили дачный домик и первым делом занялись полами и фундаментом, что спасло от воды в доме по весне. Саша делал всё самостоятельно и быстро, иначе не успели бы.

В гости стал захаживать Петя, водитель камаза, со стройки, где Саша работал прорабом. Петя был огромный и неприятный. Маруся в те времена, даже когда имела своё личное мнение, старалась держать его при себе. «Пусть лихо будет тихо», — отпечатавшиеся в подкорке слова бабушки очень долго принимались за истину, но жить мешали. Она всегда улыбалась, приветливая и вежливая, в ожидании тишины.

Однажды Саша у Пети занял четыре тысячи рублей. В 2011 году осенью это была значительная сумма для их семьи. Когда пришло время отдавать долг, денег не было. Петя почему-то стал звонить Маше. Та отвечала, как есть, и советовала звонить Саше. Оказывается, Петя уже не ездил на участок, где раньше работал, и они с Сашей не виделись.

— Звони Саше, я не работаю, у меня денег нет, — Маруся твердила одно и то же, и вскоре перестала отвечать на звонки.

У Саши задерживали зарплату на работе, он приносил какие-то копейки, которые тратились в один день — и так по кругу. Через полтора месяца, часов в десять утра, когда Маша была дома одна, по свежевывпавшему снегу пожаловали гости.

Мария мыла посуду и боковым зрением через забор увидела трёх мужчин. Забор был — одно название. Летом он был весь оплетён хмелем и диким виноградом, что было очень красиво, но осенью и зимой становилось видно, что старые серые доски стояли редко и криво, отчаянно цепляясь одна за другую. Кренились в разные стороны и грозились упасть каждый день. Это невероятное сооружение, держащееся в относительной вертикали, простояло в том же виде потом ещё десять лет.

Машке почему-то стало очень страшно. Она узнала в одном из мужчин Петю, но это не помогло ей избавиться от ледяного кома в области солнечного сплетения. Бегом побежала и накинула крючок на дверь. Сама спряталась под столом в кухне. Даже спустя годы, когда Мария Александровна вспоминала те минуты, ей становилось страшно.

В дверь постучали, потом ещё и ещё раз — громче. В доме всё дышало на ладан — иллюзия защищённости в превосходной степени. Стёкла в окнах были сколоты, где-то частично разбиты. Они пока ещё не были завешены одеялами, но семья не знала, что когда придут морозы, кое-где на подоконниках будут снежные заносы.

Дверь была... Просто была. При желании мужики могли её очень легко снять с петель, и Маруся под столом молилась, зажмурив глаза, чтобы этого не случилось. «Какого чёрта они пришли тогда, когда Саши нет? Петя же знает, что он сейчас на работе. Что им нужно? Господи, пожалуйста,

пусть уйдут! Как страшно. Что делать?», — мысли галопировали по кругу, ограниченные натянутым поводом животного страха.

Маша слышала, как открылся гараж. У них с Сашей нигде не было замков. Они всегда жили в тотальном доверии к пространству. Затем тишина. Маня выглянула. Мужчины уходили с летней резиной от «Гранты». Резина была практически новая. С того дня зимняя резина переквалифицировалась в летнюю, а зимнюю б/у купили только через две зимы.

Когда гости ушли, Машка разревелась. Страх потихоньку отрывал от неё свои липкие, скользкие щупальца. Плакала долго, пока не выплакала всё, что копилось внутри до этого дня. Тогда она ещё не умела выплакивать боль сразу, по факту, а копила до тех пор, пока не осоздавала ситуацию.

Она не стала звонить Саше. Решила, что расскажет ему вечером, ведь сейчас он ничем не сможет ей помочь.

Спустя годы Мария раздумывала: почему она не могла позвонить? Поделиться чувствами, тем более, что это Саша — мужчина, и именно он не решил вовремя вопрос долга. Где же тогда «и в горе, и в радости»? Но в ту позднюю осень Маша, добровольно осталась сама с собой наедине. «Если бы у меня была большая собака, — думала она. — Точно! Мне нужна огромная собака, которая защитит меня ото всех! Срочно надо найти щенка какой-то большой породы», — бедная девочка думала совсем не в ту сторону, но эти мысли принесли ей утешение и, заплаканная, она не за-

метила, как уснула.

Если Манечка что-то вобьёт себе в голову, то уже не остановит и не отговорит. Моря расступаются, горы преклоняются пред её стремительным напором. В голове Маруся уже всё придумала. Почему-то она ни на секунду не задумалась поинтересоваться у мужа, какого чёрта ей пришлось пережить немалый ад в этот день, зато начала искать собаку.

Саша не поддерживал рвение Машки. Дом недостроен. Мало места. Забор есть только от одного соседского участка — значит собаке нужен вольер или будка, к которой её придётся привязывать.

В женщине же поселился страх. Она постоянно чувствовала себя незащищённой и словно бы голой посреди городской площади в разгар выходного дня. Ей слышались шорохи, мерещились тени. Во дворе, где она раньше ничего не боялась, она теперь не могла находиться после захода солнца. Но ей тогда не приходило в голову, что чувство защиты и безопасности семье даёт муж, а не собака.

Мария мониторила объявления со щенками. Её кидало от алабаев, которые во взрослом состоянии были выше неё, до каких-то пекинесов.

Подруга у неё тогда была только одна. Они дружили с семи лет и были не прям лучшие подруги, нет. Просто ходили в один класс, просто хорошо общались. Когда родился первенец и встал вопрос о крёстной, Маруся вспомнила о

ней. Знала наизусть телефон в квартире родителей: «Алё, тётя Наташа, здравствуйте. Это Маша. Хочу Иру пригласить крёстной моему сыну». С благословения её мамы в семье Марии появилась самая родная крёстная для каждого из её детей. Все дети безумно любили тётю Иру, ждали и нетерпеливо собирались к ней в гости. «Главная наша крёстная» — так и звали.

Женская дружба крепчала. С каждым месяцем они как будто прорастали друг в друга. Пережив две или три крупных ссоры, научились бережно хранить границы друг друга. По дыханию в телефоне сквозь двести с лишним километров за миллисекунду понимали, чувствовали, ласково и с любовью замолкали, и в этой тишине проносились тысячи слов, которые каждая из них слышала сердцем. Сейчас они были уже роднее кровных родственников.

В тот период они созванивались не каждый день, да и Марии в голову не могло бы прийти — рассказать, что случилось. Где-то очень глубоко жило осознание неправильности всего случившегося, стыда и страха осуждения. Она не хотела ничего слышать плохого и со знаком минус. Всё её существование было направлено на выживание и сохранение мира любым путём. Так как внутри женщины не было тишины и благодати, то и мир вокруг казался разрушающим.

Маруся была Фениксом и боролась. То были первые, неуверенные, тяжёлые шаги по изменению себя. Ей было настолько сложно жить, что женщина даже не понимала, поче-

му в её жизни происходит одна беда за другой. Она боялась радоваться, так как свято верила, что после радости, громкого смеха, обязательно наступит горе и слёзы. Так и происходило.

Иногда она плевала на все приметы и смеялась от всей души, но потом спохватывалась: не увидят ли Боги, не позавидуют ли её радости? Рассказать Ире историю кражи резины она так и не решилась. Делить груз страха, стыда и боли ей было не с кем.

Алабай— защита, пекинес— друг. Но всё же Маруся склонялась к приобретению большой собаки.

Однажды наткнулась на фото милого щенка: в рубрике «отдам даром» было написано, что его мама — немецкая овчарка, а папа — ротвейлер. Но решающую роль сыграло не происхождение, а взгляд с фото, который проник куда-то очень глубоко, и сердце подпрыгнуло.

Съездила, забрала. Этот невероятный комочек нежности и безудержных игр полюбили моментально все в семье. Дети проводили с ним каждую свободную минуту, Маша прижимала к себе, заглядывала в добрые глаза и чувствовала, что теперь то она в безопасности. Талисман, маленький Талик — это был самый умный пёс в жизни Марии. Рос он быстро, лаял только по делу. Во двор выходил только с кем-то из семьи, сновал под ногами и никуда не убегал.

Прошла зима, случился потоп, малыш лаял от страха на чёрную, быстро прибывающую воду в ночи, на открытый по-

греб в полу на кухне. Маруся очень боялась, что он туда упадёт, но нет. Этот шалун единственный раз наделал дел, когда, играючи, затащил шланг в спальню Георгия и залил ковёр. Тёплые электрические полы тогда накрылись.

В открытое окно бросали шланг и насосом откачивали воду из погребка на улицу. Ругались страшно на Талисмана, а он поглядывал исподлобья с такой понурой мордочкой и с виноватым видом, что они не выдержали и дружно расхохотались, а Машка подхватила на руки малыша и прижала к себе крепко-крепко.

В начале лета Саша построил Талисману будку. Лето, осень и зиму пёс жил на улице, но иногда Маруся отпускала с цепи своего преданного друга, и он жил в доме. Спал на подушке от старого дивана, а когда Маша садилась на эту подушку и читала, Талик клал голову на колени хозяйки, внимательно слушал, а потом дремал, подглядывая одним глазом за движением страниц — так они могли сидеть очень долго.

Беда пришла на вторую весну. Мария стала замечать, что Талисман стал каким-то квёлым. Повезла в ветклинику — там сказали, что виной недомоганию клещ. Выписали уколы и капельницы. Машка дома сама колола и капала. Дело пошло на поправку. Младший друг снова стал весёлым, начал хорошо есть и женщина выдохнула.

Через несколько дней после выздоровления, Маруся с утра подошла к собаке, а он лежал и почти не двигался. То-

гда она гнала машину, впервые осознанно нарушая правила дорожного движения. Сконцентрировавшись, в невероятном напряжении, пролетала на красный сигнал светофора, перестраивалась с бешеной скоростью из ряда в ряд и доехала за безумно короткое время почти на другой конец города в самую лучшую ветклинику.

— Нужно делать переливание крови, но у нас сейчас нет доноров-собак.

Машка запрыгнула в машину и понеслась к дому. В округе всегда бегала стая диких дворняг. Сейчас не очень понятно, как ей удалось тогда засунуть в машину крупную дворнягу Розу, к которой она никогда раньше не подходила, потому что побаивалась её.

Сделали переливание, а Розе она купила свежую печень в знак благодарности и отвезла в родные края. Никаких положительных прогнозов от врачей не было, но Мария верила в чудо. А примерно через полчаса ей сообщили, что Талисман умер.

Саша отпросился с работы, пса забрали и похоронили. Плакали все.

Светлый луч безусловной любви и нежности отдал всего себя и ушёл.

С тех пор ни одна собака не приживалась в семье. Всегда проскакивало: «А вот Талик бы...». Они брали исклю-

чительно кобелей, но однажды Марусю осенило: нужна девочка.

Мария проштудировала эту тему в Интернете, и в семье появилась Джетти — помесь немецкой овчарки с какой-то другой овчаркой — добрейшей души существо. В вольер просовываются маленькие детские ручки, и Джетти их облизывает. Ни на кого не рывкает, но чуть шорох — лает. По интонации её негодования всегда можно определить, ругается она на вальяжную свободу кошки, или слышит кого-то чужого.

— Маш, у вас собака, как вы с Сашей, очень добрая и душевная, — говорили друзья.

Теперь Джетти — хранитель двора и воплощение собачьей любви и верности.

Чувство безопасности и защищённости, которое по умолчанию должно исходить от мужа, у Маруси порой трещит по швам, но это осознание пришло благодаря Талисману и этому рассказу. Теперь Маша точно знает, как нужно писать и для чего.

Только маме не говорите (2014 год, сентябрь)

Маруся сидела в пристройке за столом и в ноутбуке создавала группу в «Одноклассниках». За окном было пасмурно и холодно. Несмотря на то, что шли последние числа сентября, создавалось ощущение глубокой осени.

Печка трещала весело горящими дровами, но в новую пристроенную часть тепло не очень охотно доходило. Помещение было только что построено: цементный пол и стена в половину кирпича совсем не создавали уюта и атмосферы хотя бы иллюзорного тепла. Мария куталась в пуховый бабушкин платок. Малыш в животе только на днях начал шевелиться, и женщина инстинктивно укрывала потеплее живот.

Скоро должны были прийти Георгий и Даша из школы. Иногда они звонили, и Маруся ехала забирать детей от переулка, но сегодня погода позволяла прогуляться пару километров пешком.

У Марии нехорошо похолодело в животе. В последнее время она привыкла ко всем дурным предчувствиям. У неё уже не было сил реагировать на что бы то ни было. Последним потрясением на днях была езда за рулём пьяного Саши. Если учесть, что у него не было прав и ездить он не умел, то

с одной стороны можно порадоваться, что машина осталась относительно цела, с другой — сильно удивиться эгоизму, инфантилизму и безмозглости, назовём вещи своими именами.

Маша вспомнила, как ей вдруг стало очень плохо изнутри, и она просто оделась и пошла по улице, а через триста метров увидела, как «Гранта» пытается ещё глубже въехать в камень. За рулём сидел практически невменяемый её муж и жал на педаль газа на второй передаче.

— Не едет назад чего-то, Машуль.

Мария молча подошла взяла двумя руками мужчину на грудки и выкинула из машины, как куклу. Неизвестно, что за внутренние ресурсы проснулись и подпитали худенькую беременную женщину. Села за руль и не смогла выехать назад. Машина впечаталась в огромный пень и камень.

— Дим, помоги, пожалуйста вытащить, — она стояла и просила помощи, будто соли не хватило на суп. Дима внимательно посмотрел ей в глаза и увидел внутри шквал горечи, слёз, безысходности и злости. Молча выгнал со двора «Соболь», молча вытащил израненную «Гранту», молча обнял, и в самом конце, как всегда:

— Если что, звони, заходи.

Машина теперь была без бампера. Кое-что Маруся подремонтировала, чтобы была она была на ходу.

В реальность Машку вернул звонок мобильного:

— Вы Мария Александровна?

— Да.

— У вас есть дочь Дарья?

— Да, — сердце замерло в ожидании.

— Вашу дочь сбила машина.

— Жива? — Маня не узнала свой голос.

— Да, и вроде цела, но скорую и ГАИ вызвали.

— Я сейчас буду. Пару минут, пожалуйста.

Когда Мария прилетела, Даша была уже в Скорой помощи.

Водитель подошёл:

— Это я вам звонил. Я её сбил. Я не видел. Газель в крайнем левом ряду остановилась, и я не заметил её. Я ехал с разрешённой скоростью. Вы же видите, здесь нет пешеходного перехода...

Машка всё видела. Ей хотелось разорвать этого мужчину, но одновременно она понимала, что могла запросто быть на него месте.

— А где Газель?

— Этот мудака уехал сразу. Ваш сын не побежал через дорогу, он меня видел и кричал сестре, но она не услышала.

До пешеходного перехода сто метров, но так быстрее. «Какого хрена остановился тот мужик? Неужели он в правое зеркало не видел, что по правой полосе едет машина? Это что, специально? Как он сейчас дальше ездит, когда на его глазах и по большей части, по его вине, машина сбила девочку? Тварь!».

Мария никогда практически не пропускала пешеходов в неполюженном месте. Если только было прям вообще без-опасно. И сама, будучи пешеходом, никогда не подставляла водителей. Даже пропуская автомобиль на дороге, она, находясь в крайней левой полосе, махала ладошкой стой-езжай, чтобы не врезался тот, кого она пропускала. А здесь — ре-бёнок!

Дашуля почти не плакала. На голове справа над глазом на лбу —огромная шишка, покрытая запёкшейся кровью. Сса-дины. Маня внутри дрожала мелкой ледяной дрожью. Нель-зя волноваться. Дочка должна опираться на спокойствие ма-тери, а малыш в животе не должен вообще чувствовать ни-каких материнских переживаний.

— Мы заберём на всякий случай в больницу, пусть обсле-дуют. Вы с нами?

Мария мчала сзади орущей скорой. Водила она очень хо-рошо. Влипла в руль и стала одним целым с машиной спец-службы. Пробки, красные светофоры, второстепенные доро-ги — всё стало не важно. Дрожащая рука на коробке передач и ступни идеально выполняли едино и слаженно задачу от мозга: не отстать.

Самый счастливый день

Пятнадцатого июня была Троица. Вернёмся в 2003 год. Маруся проснулась от тянущей боли внизу живота. Перевалившись с боку на ноги, накинула халат и глянула сколько времени. Пятый час. Ёлки-иголки! Тётя Наташа ещё спит, надо ждать, хотя бы семи часов — и то рано, воскресенье же. Магnezия есть только у неё. Тогда ещё Манечка не знала, что у неё родится пять детей, и все по значимым церковным праздникам. Она наивно хотела уколом убрать тонус матки.

— Иди, звони в скорую! Ты глянь, что придумала! У тебя срок уже! — тётя Наташа чуть не материлась на весь подъезд в восемь утра.

— Тётя Наташечка, ну, пожалуйста, я боюсь, я ещё чуть-чуть потерплю, — и Маша задохнулась от очередной схватки.

Тётя Наташа взяла её за руку и повела к себе домой этажом выше.

— Саша! Сашка!!! Где он? — тётя Наташа была громкая и крикливая, уже пришла и тётя Надя:

— Наташка, ты чего кричишь с утра пораньше?

— Ты представляешь, Машка рождает, а ко мне пришла за магnezией, говорит, что ещё потерпит! Твою мать! Сашка! Просыпайся! Жена рождает, а он дрыхнет.

— Машунь, сумку в роддом собрала? — тётя Надя в ночнушке и халате поглаживала по спине задыхающуюся Марусю. Тётя Надя была соседкой по лестничной площадке. Но эта невысокая, всегда с улыбкой на лице женщина для Маши была больше, чем просто соседка. Это у неё Маруся научилась жизнерадостности и постоянному оптимизму несмотря ни на что. Это от неё она приняла и полюбила чистоту на кухне. Это у неё она научилась любить эту жизнь ещё больше, брать от жизни по максимуму и возвращать ей любовь и благодарность в огромных количествах. Это с ней она вязала крючком по вечерам. Это у неё она научилась смеяться искренне и бесстрашно любой трудности в лицо.

— Да, вчера, как чувствовала, собрала. — Марусю отпустила схватка и она смогла нормально проговорить слова.

— Звони в Скорую! — тётя Наташа разбудила Сашу.

Тот, не очень понимая, что происходит и ещё не до конца проснувшись, уже говорил по телефону:

— Лобсев! — пауза. — Нет, не я, пауза — Лобсев, беспомощно оглянулся:

— Я не понимаю, что она хочет. Фамилию, я ей называю, а она говорит, что не нужна ей эта фамилия.

Тётя Наташа забрала телефон:

— Алло. Что нужно? Павина, — и дальше всё внятно объяснила. Отключилась.

— Сашка, ты совсем? Фамилию роженицы спрашивали, а не твою. Ты-то тут причём?

— Как это — я причём?

Когда приехала Скорая, возникла следующая проблема: фельдшер не хотела везти в роддом №3, но надо было именно туда. В прошлом году Маруся родила там Георгия. Саша отнёс много денег и кучу презентов, там закроют глаза, что у неё нет обменной карты из женской консультации. После первых родов через полгода Машка снова случилась беременной. Внутри неё не было тогда крепкого стержня, которым она могла бы разогнать всех, кто насел на неё: «Иди делай аборт!». Ни один человек не сказал: «Может оставишь?», — она послушно побрела избавляться от ребенка. Но прошла пара месяцев — и она оказалась снова беременна. Тогда Мария ошетибилась и никого слушать не стала. Пошла в женскую консультацию становиться на учёт, а там сказали, что рожать нельзя. С мужем резус-конфликт, после первых родов аборт — это почти стопроцентная вероятность, что ребёнок родится уродом.

Ей написали направление на аборт по медицинским показаниям. Манечка вышла из консультации, мелко порвала бумажку и выкинула в урну. Об этом разговоре никто не знал до поры. Мария была уверена, что родится дочурка Дашенька, как она мечтала с детства, и всё у неё будет хорошо. Пришло время, и женщина сдала платно анализы на уродство, сделала УЗИ, полностью обследовалась и успокоилась. На руках были только эти документы.

— Послушай, я денег дам. И тебе, и тебе. Только давай

на Машмете остановимся, я разменяю. — Саша уже начинал нервничать и решил осчастливить не только фельдшера, но и водителя. Конечно, от такого предложения никто и не подумал отказаться. Обнялись с соседushками и поехали.

Через два часа Маня родила дочку. Акушерка попалась от Бога, помогла, как умеют только они — и Марусю не надрезали. Маленькая прекрасная девчулька с чёрными волосами и тёмными, как ночь, глазами внимательно смотрела на маму, а Мария — на неё. Со слезами на глазах женщина почувствовала до каждой клеточки организма самое великое счастье. Больше она никогда не была так сильно счастлива. Маша умела радоваться жизни, умела быть счастливой здесь и сейчас, но такого чувства больше никогда не испытала. Тогда она знала, что это самый невероятный день во всей её жизни.

Страшный день

Скорая остановилась у крыльца приёмного отделения детской травматологии. Дашеньке сделали рентген и осмотрели несколько докторов:

— Явного сотрясения нет, но пусть побудет дома, а вы наблюдайте. При головокружении, тошноте, темноте в глазах — сразу к нам, и тогда уже стопроцентно на стационар. Но, может, обойдётся.

Не обошлось. Через четыре дня Мария привезла дочурку на стационар. Всегда и везде женщине везло с докторами, как по квалификации, так и по человечности. Но вердикт был жёстким: всю жизнь раз в год надо будет проходить курс поддерживающей терапии.

Однажды этот курс пришёлся на декабрь перед самым Новым годом. Были волнения: отпустят ли домой. Рядом в палатах лежали детки из детского дома. Маруся часто выходила из больницы и смахивала слёзы, но понимала, что помочь и спасти всех невозможно.

Отделение начали украшать к главному празднику года. Маруся пошла и накупила много разной мишуры, серпантина, пластиковых сверкающих игрушек. Они тогда навыврезали с Дашей снежинок из бумаги и вместе украшали длинный унылый коридор.

Радость, яркий цвет и свет, сверкающая пульсирующая

жизнь — такой смысл закладывала Мария в каждое движение, прикрепляя на стену мишуру, на искусственную ёлку вешая игрушки. Дети гомонили под ногами, хватали игрушки, путались в серпантине, падали, хохотали и никто на них не ругался. Медсёстры и санитарочки улыбались, у Машки стоял комок в горле, у Даши слёзы капали с ресниц, но то было мгновение безусловного общего человеческого счастья.

Из того сентября Мария Александровна вышла, как обычно, одна, не позволяя себе чувствовать всё до конца. Малыш под сердцем. Благодарила Бога, что всё так обернулось, потому что все могло закончиться хуже. Как — она боялась и представить.

Тогда она ещё не устала быть сильной женщиной. Тогда ещё, находясь в позиции жертвы по всем канонам психологической науки, она была не согласна с таким определением. Какая жертва признается, что она жертва? Но эта ситуация с Дашей повернула мышление женщины в более правильное направление.

Что же, посмотрим, что будет дальше.

Истории декабря (2014 год)

После первой книги мне некоторые написали, что много историй печальных, много слёз. Но каждый рассказ — это маленькая история из моей жизни. Всё, что написано — абсолютная неприукрашенная правда.

Кто-то видит печаль и слёзы, а кто-то наоборот, замечает, что у каждой истории — хэппи-энд.

Я знаю, что у вас в жизни тоже бывают неприятности. Замечаете ли вы, что каждая трудность заканчивается в итоге хорошо? Что в итоге оказывается, что все сложилось так, как было лучше для вас?

В то время, когда я проживала самые тяжёлые моменты жизни, ни о каком моём личном выборе я не задумывалась. Пальцем бы у виска бы покрутила, если бы кто-то мне сказал, что это я сама решила прожить массу невероятной боли для того, чтобы где-то там вырасти внутри себя в соответствии с замыслом Творца.

Что я есть — частица Господа, и через меня, как через каждого из нас, Он тоже расширяется и познаёт человеческий мир глубже.

«Что за идиотизм?», — подумала бы я, которая выживала-проживала каждый день.

Каждый рассказ несёт смысл не о тяжести бытия, а о силе характера, глупости или мудрости, выборе быть или делать

то, что я делала. Чаще всё происходило из состояния жертвы, хотя внешне я была супер-сильной женщиной, которая решала проблемы. Но я же, одновременно, и создавала их себе.

Я хочу, чтобы вы, читая истории моей жизни, могли сказать: «Слава Богу, у меня всё хорошо». Или: «О, у меня так же. Если у неё получилось это пережить, значит и у меня получится!»

Итак, тридцатое декабря, Маруся беременна Гришей, который родится почти через месяц.

Снег валил с небес с такой радостью и в таком количестве, будто все волшебники Вселенной одновременно решили встряхнуть свои пуховые перины из чудесных пушистых снежинок. Завтра Новый год. Маруся не могла выйти работать в такси — очень тяжело. Беременность проходила нелегко. Саша пил. На работу давно не ходил, и порой Маше приходилось выезжать на линию, чтобы было, на что купить продукты. Она никогда никому не плакалась. Жила как жила, исходя из задач на день. Но мама понимала, что происходит на самом деле, и они договорились, что сегодня Маруся поедет к автобусу за передачкой: деньги и продукты к новогоднему столу.

Мария поцеловала детей, старшим — Георгию и Даше —

наказала приглядывать за Антошкой, пообещала успеть вернуться и уложить его спать. Было девять часов утра.

Очистила «Гранту» от сугроба, положила лопату на заднее сидение, так как багажник замёрз и не открывался, и поползла по нечищенной дороге. «Гранта» доехала до асфальта без приключений. На дорогах в городе был ступор. Пробки недвижимы. На трассе творилось то же самое. Автобус задержался на четыре часа. Женщина ползла обратно со скоростью улитки в общем городском безысходном рычании уставших двигателей. У Мани ныло всё тело.

По пути заехала в магазин. На незначительном подъёме на перекрёстке в месиве снега «Гранта» заартачилась и забуксовала. Маша вышла, взяла лопату и начала откапываться. На встрече, ожидая зелёного сигнала светофора, стояли машины. Вдруг в одной из них открылось окно.

— Ты не там копаешься, неправильно, надо под задними...

Мария разогнулась, и зелёные глаза, сощурившись, превратились в щёлки. Стекло торопливо поползло вверх, мужчина сосредоточенно ждал, когда можно будет рвануть с места.

Трудности начались уже на спуске к полю. Казалось бы, спуск, но машина не спускалась! Никак. Маруся отвоёвывала каждый метр дороги. Выходила, откидывала снег и ехала. Через метров двести-триста она сдалась. Впереди — ещё километр с лишним. Развернуться невозможно, всё, что она откопала, уже замело. Снег и ветер резвились, и в безудержном страстном танго сгладили все следы, будто машина спустилась с небес на поле возле леса.

Маша отложила лопату, обняла руками руль и опустила на них голову. Смотрела в окно на безудержный вихрь снежинок. Она перестала чувствовать. Ей не было больно, ей не было досадно, она не печалилась, даже плакать уже не хотелось. Выключила радио и заглушила машину. Ей нужна была тишина. Необходимо было слиться с беззвучием, чтобы раствориться на атомы безмолвия. Пустой взгляд в окно без мыслей, эмоций и чувств. Сколько она так просидела — неизвестно.

Вдруг, из ниоткуда появившись, слева её объехал огромный автомобиль. Снег послушно в восторге расступался, легко окутывая в белоснежную мантию громадную машину. Вот это да! Машка восхищённо посмотрела вслед и удивилась, когда увидела фонари заднего хода.

— Ты чего тут сидишь? — это был Дима из соседнего

СНТ. Он жил недалеко от Маруси, но тогда они ещё не были друзьями. В её жизни он всегда появлялся в самые трудные минуты. — Давай, вытащу, — всегда с задорной улыбкой, кареглазый, высокий, красивый.

— Я тут посижу, Дим.

Сосед внимательно посмотрел на женщину.

— Обязательно! В следующий раз. Трос есть?

— Он в багажнике, багажник замёрз. Ничего не получится. Ты езжай, я посижу.

Дима пошёл к багажнику. Стучал, отстукивал и не сдавался.

— Давай лопату, — трос был в руках.

Маша просто открыла дверь и подала лопату. Сил выходить не было.

— Ну чё, полетели? Держи руль.

Это было что-то. Маруся тарашилась, пытаюсь увидеть хоть какой-то намёк на дорогу, но бескрайняя белизна резала глаза. Ей казалось, что она мотается на тросе, как невесомая игрушка, утонувшая в снегу и движущаяся внутри него.

Увидев дом, Маня расплакалась.

— Ну вот, а то «посижу» какое-то, — Дима протягивал ей трос.

Женщина крепко обняла своего спасителя.

— Дима, спасибо тебе большое.

— Пожалуйста. Сегодня заедем с Ромкой, почистим тут у тебя. Вечером наберу.

О том, как Дима и Рома приехали и передали привет от Деда Мороза, вы читали в первой книге. А может, прочитаете.

Кстати, есть другая дорога к дому Маруси. Там ездит всегда больше машин, и проехать было бы проще. Но ту дорогу Маша не любит (до сих пор. Да, через поле короче.

Короче ли?

Чудеса традиционные (2014 год, декабрь)

Маша подкидывала дрова в печку, смотрела на огонь, а мысли тлели, искрились, затухали, вспыхивали и трещали. Столько проносилось их в голове за минуту, что Маруся не успевала отслеживать удивительную траекторию даже одной, а не то чтобы всего жужжащего роя в голове.

Или наоборот — казалось, что внутри пусто и чисто. Со всем пусто. Маша представляла почему-то своё «внутри» старой избой. Там был чистый светлый деревянный пол, тёмный стол и такая же тёмная лавка. На окошках уютно висели белоснежные занавески, что на ночь сдвигались к серединке. На лежанке на стёганом одеяле лежала огромная трёхцветная кошка, и всегда один глаз у неё спал, а другой, прищурившись, не пропустил бы и дуновения ветерка. В печке потрескивали дрова, рядом стоял веник. Большой такой веник, будто с чубом, задорный, всегда в бодром и весёлом настроении. Манюня точно знала — это он наводит порядок внутри неё! Ка-а-ак пойдёт по всем уголкам выметать, так и невозможно остаться ни единой соринке, ни одной пылинке...

30 декабря.

К Новому году готовность нулевая. Саша в ауте от очередной бутылки. Маша беременная, замело всё по пояс и нику-

да не выехать.

Поднялась в спальню. Темно, светит телевизор. Маша любит такой полумрак. Антон укладывается спать. Уютно... Вдруг комната начала озаряться бликами. Маша выглянула в окно. Там большой трактор с мигалкой на крыше расчищал дорогу и территорию у двора. Одновременно завибрировал телефон.

— Машка, выходи! Мы с Ромкой решили тебя откопать!»
— задорно кричал в трубку сосед Дима.

Манюня почувствовала тепло в животе, а мигающая яркая комната показалась девушке волшебной. Поцеловала Антошку в макушку, разрешила смотреть в окно на посланников Деда Мороза, а сама полетела на улицу.

Ромку Маша видела впервые: темноглазый, улыбка широкая, добрый, сильный и мужественный. Благодарила тыщцу раз. Димку знала давно. Обняла высокого, стройного, с ласковыми глазами, решительного и шепчущего.

— Дим, спасибо тебе огромное... Собралась завтра выезжать и не знаю, как!

— Та лан, если чо, звони! — чмокнул в щёку и запрыгнул на ступеньку трактора парень.

Мария стояла, смотрела ему вслед. Позади притаились огромные горы сугробов, которые она никогда не смогла бы перекидать в одиночку. Девушка подняла глаза к небу.

На неё смотрела огромная улыбающаяся Луна в окружении сияющих звёзд на бархате тёмно-тёмно-синего небосво-

да. «Благодарю», — прошептала Машуля, сама не понимая, к кому обращаясь. Она ещё не знала, что завтра Димка вытащит машину, застрявшую в снегу с ней, измученной и обесиленной от постоянной борьбы с непогодой за рулём, и снова она будет благодарна и Диме-соседу, и Вселенной, а внутри расцветёт доверие — всё идёт, как надо.

Это было последнее 31 декабря, когда Саша пьян. Дальше будет много всего разного происходить в её жизни, но самый огромный кошмар останется позади.

Операция (2018 год, сентябрь)

Машу преследовали «страшные сентябри». Она сначала не замечала этой тенденции, но потом её как-то вдруг осенило: сентябрь — это очень страшный месяц. Картинка начала складываться из прошедших лет. Дашу сбила машина, сгорел дом, операция с Мишей в животе, падение Антона...

Может, что-то было и до, но Марусина память избирательно прикрывала воспоминания: женщина многое не помнила из прошлого. Ей рассказывают: мол, а помнишь? А она сидит, старается улыбаться, чтобы выглядеть не как дурочка, кивает, но в голове — чистота абсолютная. Общая картина детства, общая картина юношеских и взрослых лет жизни, поделенная на события.

Маня, впрочем, об этом никогда не переживала. Значит, так было надо для неё. Филиальные пробелы в памяти никак не мешали ей жить сегодня, здесь и сейчас, а значит, не было и никаких трудностей.

Воспоминания последних лет были ясными, даже если были окрашены не в совсем радостные тона.

— У вас киста, надо будет удалять, — Вера Игоревна была гинекологом от Бога. Невзирая на молодость и малоопытность, в ней чувствовались знания и уверенность. Каждый

приём доктор смотрела на Марию, как на чудо дивное. Маша догадалась, что она является первой многодетной матерью в начале карьеры этой молодой женщины. Впервые Маруся ходила на постоянные систематические приёмы к гинекологу с удовольствием. К ней относились с уважением и бережно. С удивлением Манюня узнала, что ей должны были в каждую беременность вводить иммуноглобулин.

— Как это, никогда не делали? — Вера Игоревна смотрела своими красивыми большими глазами на Марию удивлённо. — Это же очень большие риски для вас и ребёнка! Вы писали отказ?

Никакого отказа Маша никогда не писала и даже не слышала о таком препарате. Да, что опасно рожать, говорили, с Дашей даже не захотели ставить на учёт из-за её резус-фактора, но никаких уколов не делали.

— Вера Игоревна, а можно я сама рожать буду? — Гриша у Маруси был — экстренный кесарёныш, и больше такого ада в своей жизни женщина не хотела. У неё с детства был один-единственный огромный страх: разрезают живот вдоль или поперёк. Теперь он позади, но повторения не хотелось. Она просто не знала, что её ждёт дальше.

— Мария Александровна, никак не получится. Вам нужно удалять кисту. Это, скорее всего, будет лапароскопия, но

никто не рискнёт с вами после этого пойти в естественные роды.

Маша расстроилась, но не сильно. Тогда она ещё не осознавала, что в такие моменты просто уходила в тотальное доверие к Пространству, опираясь на любовь Творца внутри себя и вовне — на Ангела Хранителя. Кто-то сказал бы, что Маруся была пофигисткой, да и она считала себя таковой, пока не поняла, что это не пофигизм, а вера в себя, как в частицу Божественного замысла на Земле.

И вот наступил срок девятнадцать-двадцать недель, но живот округлился, будто на двадцать седьмой неделе — киста быстро росла рядом с ребёнком. Мария Александровна накрутила компотиков, варенья, помидорчиков, огурчиков, постаралась управить все дела по дому и во дворе. Ничего не зная о своём ближайшем будущем, Маша интуитивно подготовилась со всех сторон.

— Вот здесь начнём разрезать, и до сюда дойдём, — двумя пальцами в подреберье слева доктор в областной гинекологии поставила начало пути, провела ребром ладони вокруг пупка и справа почти у лобка снова двумя пальцами отметил конец будущего путешествия скальпеля вдоль всего живота Манюни.

— Как это?! У меня же будет лапароскопия! — стадия отрицания захлестнула Машу ледяной волной страха и ужаса.

— Ну какая вам лапароскопия?! У вас киста с кулак здорового мужика! Мы её так не сможем удалить. Да и находится она под ребёнком. Разрежем, — снова движение ребром ладони по всему животу, — уберём плод и вырежем кисту.

— В смысле «уберём плод»?! — Манюня как будто вышла из своего тела и теперь с искренним интересом смотрела на диалог двух женщин, оперевшись на гинекологическое кресло сбоку.

— Разрежем, — снова это кошмарное движение по всему животу, две руки будто что-то поднимают, сместились правее, — отодвинем ребёнка в сторону, вычистим образование, — круговое движение правой руки, снова руки что-то держат и кладут, — определим ребёнка на место и зашьём, — ладонь ласково и успокаивающе прошлась поглаживанием сверху вниз по всему куполу застывшего в ужасе живота.

Машка молча смотрела на красивую ухоженную женщину средних лет в белом халате. Та также молча смотрела на неё. Пауза затягивалась.

— Вопросы есть?

— А иначе совсем никак?

— Совсем никак. Только так. Вообще не понимаю, почему так поздно вам поставили операцию. Такая киста может лопнуть в любую минуту.

Мария вспомнила упражнения с консервацией в душевой летней кухне и мысленно благодарно перекрестилась.

— Вставайте. Завтра вас оперируем.

Душа заботливо впорхнула обратно. Маня неуклюже встала и побрела по коридору. В голове творилось невероятное. В истерике и припадках мысли метались, бились друг о друга, падали, вставали, вырастали в размерах, уменьшались до микрона, чтобы просочиться туда, куда не так просто попасть, и превращались в огромных великанов. Слезы сами собой вытекали ручьями и шлёпались, куда придётся.

— Саша, что делать? Они будут резать мне весь живот! Ты понимаешь? Весь живот по долевой, двигать дитё туда-сюда. Сашенька, я боюсь. Мне очень страшно. Можно я приеду домой?

Мария Александровна примчала в больницу на гранте.

Лапароскопия всего на три дня, чтобы потом — прыг в машину на стоянке у больницы и домой.

— Машунь, ну приедешь ты домой, а дальше что?

— Саша, я не знаю. Но я очень боюсь. Я не хочу, чтобы меня так резали. Я не хочу, понимаешь?! Я не хочу, чтобы всю меня разрезали, как труп на вскрытии. Я не хочу, — слёзы лились не переставая. Муж не смог успокоить её в телефонном разговоре.

— Я вечером приеду, Манюнь.

— Не надо. Через весь город. У меня всё есть. Люблю тебя.

— Я тебя люблю.

Маша смотрела в окно. Деревья стояли все зелёные, но листва начала понемногу опадать. Трава — по-осеннему высокая, жухлая. Солнце разливалось по всему небу — и не скажешь, что сентябрь. За окном было под тридцать градусов жары. Гуляли люди в больничном дворе. Всё обычно и очень необычно лично для неё. Нельзя плакать, ведь не одна же.

— Не бойся, малыш, мы вместе. Мамочка всё сможет. А

вдвоём мы — вообще сила! — улыбнулась, поглаживая живот.

Не читалось, не лежалось, не ходилось, не сиделось, не елось, не разговаривалось, не пилося, не молчалось, не жилось полноценно. Ночью Машу озарило. С того мгновения женщина в тяжёлые времена всегда перестраивала мышление на такой лад и проживала трудности легче.

Сначала Маруся думала: «До начала кошмара примерно двенадцать часов... одиннадцать... десять», — и всё в таком духе. Потом её осенило: «Каждая минута приближает меня к концу этого кошмара. О, на пятнадцать минут меньше! Уже на два часа ближе к выписке. Теперь на три, пять...», — так она, успокоившись, уснула.

Никто не любит ждать. Особенно, если ожидается что-то неприятное. Хотя Мария и воспринимала теперь ситуацию иначе со своим отсчётом до выписки, легче было не намного.

Операция проходила под местным наркозом, в народе известным, как «эпидуралка». Укол в область поясницы, в позвоночник — и ты будто не чувствуешь ничего, но при этом чувствуешь всё, просто не больно.

У Манюни воспоминания после кесарева с Гришей были не очень радужными. Тогда долго не отпускал этот чудный

наркоз. Медсестра заходила к ней в ПИТ много раз, колола иглой ноги выше колен, смотрела на часы, покачивала недовольно головой и уходила, чтобы вернуться снова через какие-то пятнадцать минут.

— У меня проблемы? — не выдержала в её очередное появление Маша.

— Пока нет. Так иногда бывает. Не переживайте, я не буду спать и буду рядом. Всё будет хорошо.

Большого Марусе не надо было. Она безоговорочно верила хорошим людям. Медсестра была хорошим человеком, это чувствовалось на расстоянии. Гриша появился на свет в седьмом часу вечера, а наркоз окончательно отступил ближе к шести утра. За это время Мария уже придумала, что она будет делать, если так и останется без чувствительности в ногах.

В этот раз женщина уже знала, что её ждёт, и от этого было тревожно.

У Марии Александровны была способность в критических ситуациях видеть себя со стороны. Будто раздваиваешься и понимаешь, и чувствуешь, что происходит с телом, но одновременно можешь видеть, что с тобой, откуда-то сбо-

ку или чаще сверху.

Скальпель прошёл чётко по траектории, которую несколько раз впечатала вчера доктор в смотровом кабинете. Две женщины справа, одна — слева. Анестезиолог ушёл. Бестелесная Маша смотрела со стороны и видела две нагнувшиеся спины, слышала негромкий разговор, слов было не понять, но по ритму — всё спокойно. Все действия как будто натренированы специально для её случая. Спокойно, уверенно, слаженно — именно так, как нужно. Всё хорошо, беспокоиться не о чем.

Перед лицом Марии была шторка, но она всё чувствовала. Ощущения ещё те. Машка была очень терпеливая, но тошнило нещадно. Стало страшно и неудобно, что может вырвать.

— Девочки, что-то очень тошнит.

— Это нормально. Мы вам насколько возможно подняли желудок и кишечник. У вас лопнула киста. Нужно побольше места. Потерпи, милая. Где этот козёл?

Про козла было тише, почти шипяще. Маруська представила, насколько хватило фантазии, как это возможно, — подняли желудок и кишечник, — и, если бы во рту было

бы что-то, что можно выплюнуть, её бы точно стошнило. Женщине казалось, что операция бесконечная. Было плохо во всех смыслах, казалось, что силы на пределе, и вот-вот... Что? Ну, уже никак невозможно больше терпеть, вообще невозможно. Но всему приходит конец.

— Вы — большая молодец! Киста, конечно, громадная, и хорошо, что лопнула, когда уже разрежали. Мы всё убрали. Не переживайте, теперь всё точно будет хорошо.

Это были именно те слова, что сейчас были так нужны Маше. Скорее всего, улыбающиеся женщины в белом, похожем на промокашку, облачении знали об этом.

Всё закончилось. Всё было позади. Самое страшное.

В палате интенсивной терапии Маруся прошла все стадии отхода от наркоза. Рядом лежали ещё женщины, которые вели себя по-разному. Одна из послеоперационных просто вымотала медсестричку. Звала через каждые пять минут, требовала бесконечного обезболивания, катетер не так, холодно, жарко, кажется...

Когда Машке бывало очень плохо, она старалась остаться одна, замирала и прислушивалась к каждому сигналу организма. Струны были или очень сильно натянуты, или наоборот безжизненно обвисали. Нужна была тишина и уединение. Сейчас она чувствовала себя киселём. Живот, вернее

разрез вдоль живота, пульсировал сильной болью.

— Вам сделать обезболивающее? Холодно? Что ж вы молчите? — было заметно, что медсестра уже на грани.

Укрыла отстукивающую дробь зубами Манюню ещё одним шерстяным одеялом и сделала укол.

«Тебя ж эта сука уже всю вымотала, что ж я ещё дёргать стану?», — про себя подумала, Маша, а вслух сказала: — Большое спасибо. Может, ей очень больно, что она так кричит?

— Не больше, чем вам. У неё «лапра», просто дури больше, чем у всех здесь вместе взятых.

Истеричка снова начала кричать, что ей нужно сделать ещё один укол обезболивающего, что она всех засудит, а лучше бы все передохли. Медсестра засунула руки в карманы и в каком-то сверх-профессиональном спокойствии металлическим голосом ответила, что она и так уже сделала этой особе два укола, когда можно только один, и что может принести бумагу и ручку, чтобы та написала жалобу, если ей станет легче после этого. Её перебила женщина в годах, похожая на учительницу:

— Замолчите сейчас же, ради Бога! Сил нет слушать! Не слышно боли в ваших воплях, перестаньте, пожалуйста, имейте совесть!

— Я так хочу уснуть, но не могу из-за ваших криков, — прошелестело откуда-то из-под горы одеял с другой кровати.

— Не мешайте другим людям приходить в себя после операций! — строго подытожила медсестра. — Кому-то что-то нужно? — не получив ответа, вышла.

В палате установилась тишина. Кто-то тихо стонал. Истеричка достала телефон и, судя по всему, набрала мужу. Начала жаловаться на врачей, медсестёр, женщин и жизнь вообще отборным матом и внезапно запнулась:

— И ты туда же. Понятно с тобой всё.

После этого стало тихо-тихо. Хорошо.

На третий день после операции в стране были выборы. Ещё при оформлении на стационар Марии дали на подпись бумагу, что она в обязательном порядке примет участие в избрании нового Президента.

Третий день после того, как тебе разрезали весь живот — не самый подходящий, чтобы через длинный больничный коридор добраться до лифта, подняться на три этажа, снова пройти весь коридор в обратном направлении и попасть в актовЫй зал больницы. Мария Александровна еле доползла до пункта назначения. Там долго сидела с отчетливым ощущением, что живот расходится по шву, но верила, что пластырь, если что, спасёт. Проголосовала, обняла живот рука-

ми и поползла обратно.

Больничные коридоры не предполагают, что кто-то решит в них посидеть. В тот день Маша ближе к ночи впервые поднялась с кровати в туалет.

Путь домой за рулём тоже оказался не из лёгких. Маруся доехала через весь город на свой родной Левый берег и остановилась на обочине. Наверно, после лапароскопии ехать было бы легче. По родным улицам получалось проще и быстрее.

Дома, с бандажом на животе, ещё в полусогнутом состоянии, Манюня сидя делала много всего: гладила, готовила, вязала — только бы не лежать. Живот рос. В животе рос Мишутка. Беременность проходила нормально.

Со шрамом во весь живот Маша смирилась почти сразу. После кесарева Гришей женщина год не могла принять выбор рождения сына. Она ненавидела эту полосу внизу живота. Как они ни занималась физкультурой, как ни качала пресс, складка никуда не исчезала. В ванной или перед зеркалом она отводила глаза от шва и вычёркивала эту часть тела из себя. Пока как-то вдруг, обнимая Гришуню, не осознала до каждой клеточки, что сын выбрал прийти к ним с Сашей именно так. Это его выбор, который нужно уважать и принимать безусловно, как любишь. После этого осознания

складочка внизу живота незаметно пропала как бы сама собой.

Шов во всю высоту живота принёс Марии намного больше неудобств. Мышцы были разрезаны и сшиты — естественно, не идеально, не как до операции. С прессом дела обстояли ещё сложнее. Но Маша была уже в другом принятии, более тотальном. Она постоянно в течение дня занималась доступными упражнениями. Идеально плоского живота, как до беременности Гришей, не получилось, но вес она скинула, бока не висели, хотя в платье в обтяжку просматривалась вертикальна линия. Кстати, просматривалась только Маней. Как часто мы придаём значение неважным мелочам, размышляя, что подумает и скажет кто-то, кому на самом деле до нас никакого интереса!

Эта история о том, как велики у страха глаза. Насколько всё зависит от нашего настроения и восприятия ситуации. Мы сами выбираем: быть сильными или слабыми. Вихрь от этого выбора расставляет вокруг нас людей, создаёт события и даёт право играть главную роль без подготовленного текста и сценария. Жить и импровизировать здесь и сейчас, в доверии к себе и Миру.

Дед Мороз и Маша (2018 год, декабрь)

У Маруси в машине всегда звучало авторadio или её собственная музыкальная подборка. Слушала она под настроение. Дэва Премал дарила гармонию и одухотворённость, Король и Шут заряжали безумным в прямом и переносном смысле драйвом, под Моргенштерна она чувствовала себя развязной, без всяких ограничений, охрененно смелой сучкой. Под сорок пятую симфонию Гайдна Мария проживала весь доступный спектр чувств от улыбки до слёз просто так, «потому что я сегодня какая-то трепетная...».

В то декабрьское утро 2018 года в машине было спокойно и по-семейному уютно. Маня с уже большим животом, в котором предпоследний месяц жил Миша, везла Дашу в поликлинику, по пути захватив Сашу с работы.

Сели в машину, повернулся ключ зажигания, включились все вентиляторы на печке на полную мощность и голос «Авторadio»:

«Итак, мы напоминаем, что у нас в гостях Дед Мороз из Великого Устюга, и вы можете написать нам на номер xxxx, какой подарок вы хотите на Новый год от дедушки. Кто знает, может, именно вам повезёт!».

Почему-то в этот раз утреннее шоу «Поехали» привлек-

ло внимание Маши. Быстренько припарковавшись, она загуглила номер «Авторадио» и настрочила: «Здравствуй, мой дорогой Дедушка Мороз. Меня зовут Маша, мне тридцать восемь годиков, скоро у меня будет пятый детёнок. Я очень хорошо вела себя весь год, да и в принципе всю жизнь. А пишу тебе впервые в этом году. Я очень хочу на Новый Год электрическое пианино. Моё в прошлом году сгорело в пожаре вместе с домом и со всем добром. Я, если честно, не знаю, когда мы сможем купить пианино сами, да и сможем ли. Я писала тебе письмо и не успела отправить, ты же знаешь, видишь, как оно у меня в последнее время... Авторадио, люблю вас навсегда».

И отправила. Даша с заднего сиденья гранты посомневалась в чудесах такого масштаба.

Через восемь минут сообщение Маруси звучало в прямом эфире «Авторадио». Она выиграла кружку!

Машка улыбалась от счастья во весь рот:

— Видишь? Видишь?! А ты говорила, кто читать будет? Во-о-от!

Женщина была абсолютно счастлива: её письмо прочитали самому главному и самому настоящему Деду Морозу в стране! В детстве у неё не было никаких подарков под ёлкой, и в Деда Мороза никто не верил. Она помнила, как совсем маленькая пошла с бабушкой на ёлку на площадь, и там приехал к сцене самый настоящий Дедушка Мороз. На лошадях, пар из ноздрей, копытом бьют, и он из белых саней

встаёт огро-о-омный такой, с большой бородой, в красном тулупе, со сверкающим посохом, и широким размашистым шагом идёт к сцене. Она тогда спросила у бабушки, мол, настоящий, что ли? И тот сказал ей на ухо, что это — самый настоящий Дед Мороз приехал, сказал, чтобы только она знала эту тайну. А бабушка не врал никогда! Но тридцать первого декабря Маняня никогда не ждала Деда Мороза.

А вот дети у них с Сашей с самого крошечного возраста знали, что Дед Мороз существует, да и доказательства были — то шапку забудет за ёлку зацепится, то следы оставит, то окно раскроет, а как-то раз и сам на Жигулях красных, «под цвет шубы», сказал — и приехал. Письма пишет всей семье каждый год. Даша чуть не побила в шестом классе одноклассника, который доказывал ей, что этого могучего волшебника не бывает. Учительница шла мимо и сказала:

— Дашуля, ты веришь, значит, для тебя и существует, а кто не верит, к тем он и не приходит!

Когда Георгий и Даша подросли, они стали помогать делать сказку для младших братьев.

Мария тяжело выгрузилась из-за руля, зашла домой и, пока раздевалась, услышала сообщения в мессенджере: «Здравствуйте, это Сергей Демидов, шоу «Поехали». Я на счёт пианино. Вы где живёте?».

Потом Сергей Демидов позвонил:

— Вы там не родите до Нового Года?!

— Не должна...

Поговорили.

Булькнуло СМС: «Оплата по чеку. О доставке — в следующем сообщении».

Маша плакала и смеялась. Написала об этом чуде всем-всем, ей хотелось поделиться этим невероятным счастьем со всей планетой! Повторяла бесконечно:

— Я же говорила вам, и не устану повторять: Дед Мороз существует! Он существует по-настоящему! Понимаете? Вы мне верите?!

Саша принёс две таблетки но-шпы и четыре таблетки валерианы, запивала это Маруся настойкой пустырника. Муж ласково поцеловал мокрые щёки жены:

— Конечно, и верили, и верим, моя хорошая, ты полежи, поспи.

Машуня так и уснула со счастливыми слезами на лице, доставка пианино задержалась — инструмент приехал к Рождеству. Но это такие мелочи...

Если бы в тот же миг (2019 год, сентябрь)

Мария Александровна ехала на машине и пела песни под магнитолау во весь голос. Солнце сияло и проникало под каждый листик и в каждую клеточку любого организма. Наполняло счастьем и удовольствием от простого бытия человека. Не потому что, не за что-то, а просто так: хорошо жить, потому что живёшь. В такие моменты замечается даже самая малозаметная красота природы, как, например, прекрасный окрас сороки или невероятный иссиние-чёрный ворон, который, кажется, задорно тебе подмигивает, понимая и разделяя твоё счастливое настроение. На фоне абсолютно голубого неба увидишь слегка желтеющий лист клёна — и охватит восторг от чувства любви, с которым создан каждый штрих этой жизни для тебя.

Она уже почти подъехала к дому, когда позвонил Саша:

— Машуль, ты далеко?

— Рядом почти, а что?

— Антон упал с дерева. Наверное, надо будет поехать в травмпункт.

— Что сломал?

— Непонятно, вроде целый. Лежит на диване, не шевелится. Его Георгий принёс с улицы.

— Сейчас подъезжаю.

У Манюни ледяным ножом резануло выше пупка по всему животу при первых же словах мужа. Она немного ускори-лась. Дорога была отвратительная, как обычно, яма на яме, и не вспомнишь, когда здесь проходил грейдер. Очень плохое предчувствие подстёгивало и заставляло забыть о подвеске автомобиля.

Залетела лёгким шагом домой и села на краешек дивана в гостиной рядом с Антошкой. У кареглазого мальчугана тихо текли слёзы по щекам.

— Мамочка. — глаза молили о помощи.

— Рассказывайте! — Манюни не было, включилась Ма-рия Александровна. Собранная, строгая, готовая абсолютно ко всему и умеющая доставать необходимую информацию непонятно из каких глубин мозга в экстренных ситуациях.

— Мы гуляли на нашей площадке...

Георгий был очень серьёзным и ответственным парнем. В свои семнадцать он уже почти построил дом. Наравне с от-цом отстраивал новый дом после пожара. Успел поступить в строительный институт на бюджет. Георгий всегда был опорой после отца, а бывали времена, что и вместо него.

Мария очень гордилась своим красавцем сыном. Крупные серо-зелёные глаза на точёном аристократическом лице, под густыми орлиными бровями вразлёт. Волосы лежали акку-ратной волной, слегка закрывая уши. Полноватые губы рас-тягивались в очаровательную улыбку силы и превосходства.

Высокий, стройный, он рассказывал и сочувственно смотрел на маму — в этих глазах Маруся прочла приговор.

— Они с Кириллом залезли на тополь, что над площадкой растёт. Ты представь, почти на самую верхушку!

Маруся прикинула: метров пять-шесть.

— И под Антоном ломается ветка. Он летел, как кукла, ударяясь о все ветки на пути.

У Мани огромный комок подкатил к горлу, и она начала дышать кончиками ноздрей, чтобы не задохнуться от боли.

— Упал на землю и не шевелился. Без сознания. Я подошёл, смотрю — дышит. Позвал, и он открыл глаза. Спрашиваю: «Встать можешь?», а он как будто не понимает. А потом попытался повертеть головой, что, мол, не могу, но не получилось. Я взял его на руки и занёс домой.

Мария Александровна поняла, что, скорее всего, спина сломана, и это полный пи*дец! Что завтра ей отвозить Сашу на объект за триста километров. На две недели. Что Мише восемь месяцев, и она останется одна в этом аду. А что будет ад — она была уверена стопроцентно.

Антон положили на заднее сидение в «Гранту», и Маша поехала по неблагополучной дороге так аккуратно, тихо и бережно, что машина только поскрипывала рессорами от удивления. Антон лежал и беспрерывно негромко стонал. Между стонами фоном звучало постоянным звуком: «Мамочка, мамочка, мамочка, мамочка, мамочка...». Машке ка-

залось, что она вся заполнилась слезами, но плакать было нельзя. Оборачивалась ежесекундно, улыбалась и говорила, говорила, говорила...

Говорила, что всё будет обязательно хорошо, если не сейчас, то значит позже, сейчас врачи поймут, что случилось, и обязательно помогут, что у нас самые лучшие врачи! Вон сколько раз спасали Георгия. Ему самому сколько операций сделали хороших. Говорила, говорила, говорила, чтобы не дай бог, не остановиться, не задуматься, не заплакать.

В травмпункте всё было, как обычно. Шумно и больно. Мария тихонько провела сына и постаралась устроить максимально комфортно, но сидеть он не мог. Тогда, пробиваясь сквозь переломы, травмы, тихий вой и громкий плач, она смогла найти каталку. После рентгена их вызвали без очереди. Областная детская хирургическая больница, где располагался единственный детский травмпункт в городе, была очень хорошо оборудована. После того, как сделают рентген, не надо сидеть и ждать бумагу с результатами. Итог обследования автоматически перемещается в компьютер доктора в другой кабинет. Маша всегда задавалась вопросом, почему так нельзя сделать во всех поликлиниках?

— У вашего сына перелом восьми позвонков, от шейного отдела до поясничного. Ещё и сотрясение мозга, скорее всего. Сейчас в приёмное отделение перемещаетесь, там вас посмотрят ещё доктора — и на стационар. Ходить нельзя категорически ориентировочно в течение полугода.

Каждое слово падало в область солнечного сплетения и разрасталось ледяными наростами во все стороны. Женщина сидела, понимающе кивала, во рту ощущался вкус пепла.

В приёмном отделении хирург подтвердил сильное сотрясение мозга. Удивился шёпотом: «Как жив остался?». Маруся всё слышала. Она хотела плакать от всего: Антоша тихонько беспрерывно стонал, они претерпели очередь в неизвестно сколько человек. Горе затуманило всегда разумную Маню. «Почему нас нельзя принять без очереди? Мой сын лежит весь переломанный! Нам нужно быстрее всех! Ему больнее всех!».

Мария ненавидела сейчас серой злобой детей и родителей, находящихся в травмпункте. Она не испытывала сочувствия, не хотела видеть чужой боли, не хотела понимать никого. Её разрывало изнутри. «Как жив остался!», — горчило и першило, радовало и ужасало.

А если бы сейчас её сын лежал мёртвый? Она вернулась домой, а там ледяное тело и где-то рядом душа, которую не обнять, не поговорить, не отдать любви, сколько можешь и хочешь? «Когда же я смогу проплакаться?», — Маша улыбалась и гладила сыночка по голове:

— Сейчас поедем на этаж и тебе сделают обезболивающий укол. Скоро станет легче, сынок. Подожди капельку, — и снова аккуратно поцеловать всё лицо. Тёплое, живое, родное, любимое.

Маруся и вода (2020 год, лето)

Маруся точно знала, что в жизни бывает очень много счастья. Всяких разных. Маня их классифицировала и любила каждое от всего сердца со всем своим чудесным безумством.

Отдельное место в сердце Маши занимало счастье Воды. Может быть, этому способствовало, что она по знаку Зодиака была «Ракиня» — ей нравилось так называть себя. Не какой-то там Ра-ак, а Ра-ки-ня — мягко, нежно, почти как Золотая рыбка. И «лохушка» в устах Маняни звучала, как «Лохиня» — то есть почти Богиня, но немного девочка на всю голову.

Воду Мария любила во всех её проявлениях. Она любила плачущий, очищающий, освежающий дождик, любила красивый пушистый лёгкий снег, сумасшедшую метель, стужу и пургу.

Маруся любила мыть посуду и мыть пол — это вообще было её любимой медитацией очищения. Она обожала раз за разом каждый день видеть, как из грязного и замазанного появляются на свет сверкающие тарелки, искрящиеся стаканы и чашки, как сантиметр за сантиметром пол заново становится свежим и чистым. Иногда ей казалось, что он даже сверкает, но это всё ещё был не паркет, и Маша улыбалась сама себе, довольная.

Маша любила пить воду, вообще могла употреблять её

многими литрами. Не чай-кофе, а именно воду.

Но особое место в её сердце занимали водоёмы. Пруды Мария не любила за их нечеловеческое дно. Где дно было не песок и не галька — неприемлемое и нечеловеческое, так она считала.

Вода всегда была холодной, но в этом была своя прелесть. Маша заходила постепенно, а пока привыкала к температуре, любила наблюдать за людьми вокруг. Дети всегда были счастливы по полной, дети всегда жили в моменте. Учиться этому у них можно было всегда. Что, в принципе, и делала Маруся на протяжении всей своей жизни.

Отдельное место в наблюдениях Марии занимали мужчины, потому что они были очень близки к детям. Они не втягивали животы и не разворачивали плечи, им было абсолютно пофиг, что о них думают другие. Они рычали, плевались, резвились, дико ржали, ныряли, играли в мяч, прыгали с мостиков и тарзанок... Тоже жили в моменте на полную в счастливом забытии обо всём, что могло тревожить на берегу.

Потом Манюня опускалась в воду. Она просто лежала на ней и переставала существовать как отдельная личность. Становилась частью огромного Мироздания. Миллиардами молекул и атомов она соединялась со всем сущим в этом Мире. Растворялась во всех водах от Байкала до Нила. Она была светом и тьмой, дыханием и пылью, песком в пустыне и далёкой звездой в созвездии не нашей галактики. Потом

она собиралась обратно в тело Маши, счастливо жмурилась в лучистое летнее небо, которое было залито огромным тёплым золотом Солнца, зажимала пальцами нос и кувыркалась в воде.

Слёзы счастья смешивались с водой реки или моря, и Маруся снова сливалась в одно целое с Миром, понимая, осознавая и чувствуя каждой клеточкой существа, что это такое — быть частью Вселенной, что это такое — быть любовью Творца.

Утренняя встреча (2021 год, весна)

Её мёртвые глаза обнимали небеса в последний раз. Они были прекрасны, эти небеса. Весенний ласковый голубой цвет играл с белыми кучерявыми облаками, что местами подсвечивались волшебным розовым светом со стороны востока. Ветви деревьев — голые и серые. Они тянулись ввысь к прекрасным небесам. Всё в этом Мире стремится вверх...

Длинные каштановые волосы красиво раскинулись вокруг головы. Руки непроизвольно закинута вверх, и вся поза будто говорит, что в минуту смерти хо-ро-шо. В луже вода вокруг успела замёрзнуть. Молодая. Лет двадцать пять.

Как глупо было когда-то согласиться попробовать наркотики! Душа тихо стояла в сторонке, наблюдая за многочисленными людьми вокруг её бывшего тела. Ей было легко, она вернулась домой. Немного тревожили люди в разных формах. Всё-таки это её тело, хотя... Это просто и непросто, но оно уже не нужно.

Душа взглянула последний раз в открытые мёртвые глаза и взмыла вверх, в Небеса, домой. Очередной класс школы жизни позади. Каникулы. Солнце светило ярко, и никто не заметил лёгкую тень в сухой траве склона.

Давно этот текст крутится, с момента смерти той девушки на дороге. Её Маша встретила однажды утром, когда отвозила детей в школу-сад и наткнулась на участкового и труп...

Когда невыносимо тяжело (2021 год, весна)

Вытри слёзы, мой дружок.

Это не идиоты.

Не злые.

Не придурки.

Не тупые.

Да, не понимают. Да, не хотят понять. Да, не хотят принять ответственность.

Им так удобно.

Они — просто люди.

От страха вспоминают о Боге и родственниках. Становятся людьми и могут плакать человеческой солонатово-горькой водой.

Пока страшно.

Когда уже не страшно, тогда всё опять как раньше. И ты не очень близок.

Это просто люди. Другие. Не ты.

Понимаешь? Люди бывают разные. Добрые. Умные. Трудолюбивые. Убийцы. Мамаи. Рыбаки. Мудрые. Маньяки. Соседи. Ласковые. Самоубийцы — тоже люди.

Ты, наверное, никогда не сможешь понять маньяка, а ведь он пришёл в этот Мир не просто так, и его жертвы тоже. Но

Ласковые — твои друзья.

Не плачь. Здесь каждый для себя и кого-то. Иногда приходится быть очень жестоким, потому что любишь больше жизни. Больше воздуха. Умереть готов от любви и ради неё делаешь больно и жестоко. Помнишь, вы так договорились? Там не нужно было объятий, достаточно мысли, и теперь тебе больно.

Нет тишины без звука. «Любовь» и «очень больно» — слишком рядом для твоего блага.

Улыбнись и вспомни.

Вдох + выдох = любовь.

Внутреннее солнце (2021 год)

Маня любила ветер. Свободный и всемогущий. Дурманящий и тормозящий. Ей было интересно, как он может одновременно устраивать и фантастический движ крови, и в одну секунду заставляя замирать, заставляя чувствовать этот Мир так, как не чувствовала до этого никогда.

Манюня любила педаль газа. Тихо-о-онечко нажимала на неё краешками пальчиков ноги, и автомобиль в две с половиной тонны ревел, как раненый самец, и срывался с места, распугивая всех пузотёрок вокруг. Манечка знала, с какой долей нежности надавить на педальку, чтобы вызвать восторг, испуг или восхищение. В это мгновение Маша ощущала себя королевой всего сущего в этом и в других мирах.

Маруся только сейчас научилась наслаждаться быть женщиной. Просто охренеть, как это круто — быть женщиной!

Оказалось, что в словосочетании «быть женщиной» заложен глубокий смысл. Это не просто родить, убрать и приготовить еду. Там есть встреча с собой и своими желаниями. Только со своими личными, которые не пересекаются ни с кем из детей или с мужем... Там есть только ты. Сначала там страшно и пусто, и хочется быстро заполнить эту пустоту чем-то... Хоть чем-то, лишь бы не она. А потом ты начинаешь любить это «пусто» и заполнять только своими чув-

ствами и эмоциями, при том выраженными только к себе. К себе любимой.

Манюня почувствовала впервые за свою жизнь, как это круто — любить себя. Не просто красить ногти и создавать красивую упаковку из тела, но полюбить это тело, полюбить быть с собой наедине, выбирая себя. Как это — жить, исходя из того, что Я — во-первых в этой жизни. Жить так без чувства вины, без сожаления, не опираясь никогда и ни на какое чужое мнение.

У Маши будто новая жизнь началась. Ей казалось, что все вокруг знают, как она теперь кайфует от самой себя. Теперь ей гораздо чаще встречались улыбающиеся люди, она ловила на себе всё больше восторженных мужских взглядов. В ней появилась та спокойная уверенность в себе и в завтра, в тотальном доверии к Пространству и к Творцу. Ей хотелось делиться внутренним светом со всеми. Хотелось согревать и зажигать искорку счастья в каждом, кто встретится на пути.

Машка говорила красивым женщинам, что они красивые, и видела, как моментально в каждой зажигалось внутреннее солнце. Они улыбались, и глаза светились тёплым мягким женским светом любви.

Маруся очень хотела, чтобы каждая на этой планете была счастлива. Чтобы каждый раз, когда ветер ласково целовал ухо или неистово и страстно блуждал в волосах, это было поцелуем от Вселенной, которая с заботой и невероятной любовью всегда находится рядом. Чтобы каждая из женщин

знала, что она любима Творцом не за что-то или почему-то, а просто потому, что она есть, по праву рождения в этом Мире.